

Н. А. Власов

БИТВА, ИЗМЕНИВШАЯ МИР
Кёниггрец,
3 июля 1866 г.

Санкт-Петербург
2020

ББК 63.3(0)52
УДК 94(430)"1866.7.3"
В58

Власов Н. А.

В58 Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г. —
СПб.: «Евразия», 2020. — 160 с.

ISBN 978-5-8071-0481-6

Книга посвящена одному из ключевых сражений XIX века — битве при Кёниггреце (Садовой). Подробно рассматривается предыстория Австро-прусской войны 1866 года, ее причины и начальная стадия. Основное внимание уделяется самому сражению 3 июля 1866 года. Освещаются также последствия битвы при Кёниггреце и Австро-прусской войны в целом, ее влияние на дальнейшую историю Европы. Автор анализирует причины прусских успехов и возможные альтернативные сценарии развития ситуации.

© Власов Н. А., 2019
© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2020
© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2020

Предисловие

История человечества наполнена сражениями. Названия многих из них хорошо известны каждому образованному человеку — Канны, Полтава, Ватерлоо, Марна... Битве при Кёниггреце, состоявшейся 3 июля 1866 года, повезло меньше. Между тем она была самым крупным сражением за сто лет, прошедших между окончанием Наполеоновских войн и началом Первой мировой войны. Более того, иногда ее называют самой большой битвой в человеческой истории до начала XX века. Здесь, однако, у нее имеется сильный конкурент — знаменитая Битва народов при Лейпциге 1813 года. Не будем углубляться в подсчеты: оба сражения были одинаково масштабными. И там, и там уничтожением себе подобных занимались примерно по полмиллиона человек.

Однако вопрос в данном случае не только — и не столько — в размахе происходящего, сколько в том значении, которое имел исход битвы при Кёниггреце для дальнейшей истории Европы и мира в целом. Вернее, не столько самой битвы, сколько Австро-прусской войны, кульминацией которой она

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

являлась. Этот короткий конфликт — современники называли его «шестинедельной войной» — открыл дорогу для объединения Германии вокруг Пруссии со всеми вытекающими отсюда последствиями для европейского баланса сил. Именно быстрая победа пруссаков позволила им, не допустив вмешательства других великих держав, провести переустройство Центральной Европы по своему усмотрению. К числу последствий этого переустройства относятся две мировые войны, разразившиеся в первой половине XX века.

В отечественной историографии сражение при Кёниггреце известно как битва при Садовой. Именно так ее называли во Франции — немецкое название показалось французам неудобоваримым. Однако и пруссаки, и австрийцы говорили именно о Кёниггреце, в связи с чем и мы будем использовать это название, жертвуя легкостью произношения ради исторической точности. Да и сама Австро-прусская война — термин более чем спорный; он заставляет многих думать, что в конфликте участвовали лишь две державы. На самом деле, в 1866 году друг другу противостояли два коалиции, насчитывавшие в общей сложности четыре десятка государств. Поскольку все они — за единственным исключением Италии — входили в состав Германского союза, правильнее в данном случае будет говорить о Немецкой войне. Именно такой термин принят в германской историографии.

Битву при Кёниггреце — центральное событие этой войны — часто описывают в драматическом ключе. Действительно, на первый взгляд мы имеем дело с классической «развилкой истории», где исход висел на волоске. На протяжении первых часов сражения чаша весов колебалась то в одну, то в другую сторону, и только появление на поле боя второй прусской армии определило исход как битвы, так и всей войны. Опоздай она на несколько часов — и история Европы пошла бы по совершенно другому пути. «Ваше превосходительство, теперь Вы — великий человек, — сказал один из флигель-адъютантов прусского короля Бисмарку после сражения. — Но если бы кронпринц подошел слишком поздно, Вы были бы сейчас величайшим злодеем».

Рассказывать историю сражения в таком ключе — лучший способ сделать повествование по-настоящему захватывающим. Но насколько все это соответствует действительности? Действительно ли, 3 июля решение висело на волоске и пруссаки лишь чудом избежали катастрофы? Попробуем разобраться в этом вопросе, равно как и в других, касающихся всей войны в целом и остающихся спорными по сегодняшний день. Насколько рискованным был прусский план концентрического наступления в Богемии? Имела ли империя Габсбургов шансы выиграть войну? Что случилось бы, если бы конфликт затянулся? В поисках ответов важно избежать обеих крайностей: как стремления

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

драматизировать ситуацию и изображать события в виде цепочки невероятных случайностей, так и детерминизма, подразумевающего, что все случившееся было неизбежным и не имело никакой альтернативы, поскольку являлось результатом действия объективных, непреодолимых сил.

Есть и еще одна «ловушка», в которую мы постараемся не попасть. В своей новой книге, посвященной войне 1866 года, немецкий историк К.-Ю. Бремм назвал ее «войной Бисмарка». Действительно, на страницах популярных работ Немецкая война нередко предстает как часть хитроумного плана «железного канцлера» по объединению Германии. Действительно, обойтись без фигуры Бисмарка в этой истории так же невозможно, как писать о Наполеоновских войнах, не упоминая самого Наполеона. Тем не менее, на наш взгляд, этот «бисмаркоцентризм» серьезно искажает картину прошлого. Поэтому данный рассказ имеет смысл начать не с политики Бисмарка и даже не с Венского конгресса, а с истории формирования австро-прусского дуализма в Германии, корни которого уходят в далекое прошлое.

Глава 1

Германский дуализм

Династия Габсбургов уже в позднее Средневековье принадлежала к числу наиболее могущественных в Европе. В первой половине XVI века под ее властью находились Кастилия и Арагон, Нидерланды, ряд итальянских княжеств, Австрия, Богемия и Венгрия, а также колонии в Западном полушарии. Габсбурги прочно удерживали в своих руках корону Священной Римской империи германской нации, дававшую им формальное первенство среди всех монархов Европы. Об императоре Карле V говорили, что над его владениями никогда не заходит солнце. Хотя Карлу V так и не удалось построить универсальную христианскую империю, о которой он мечтал, а свое огромное наследство он был вынужден разделить между сыном и братом (так появились две ветви Габсбургов — испанская и австрийская), гегемония династии в Европе была несомненной. В течение XVII века позиции Габсбургов ослабли: по итогам Тридцатилетней войны немецкие князья получили практически полную независимость от императора, а испанская ветвь

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

к концу столетия пресеклась. Тем не менее Австрия оставалась одной из великих европейских держав, владения и интересы которой простирались от Северного моря до Балкан.

Гораздо более стремительным и загадочным оказалось возвышение Пруссии. В середине XVII века династия Гогенцоллернов правила сравнительно небольшим княжеством Бранденбург на северо-востоке Германии. Из-за скудных почв эту территорию в шутку называли «главной песочницей Священной Римской империи». У Бранденбурга даже не было собственной армии, и в годы Тридцатилетней войны княжество оказалось бессильной игрушкой в руках воюющих сторон. Политический вес Гогенцоллернов был намного меньше, чем у правителей соседней Саксонии или Баварии. Поэтому может показаться удивительным, что Бранденбург приобрел по итогам Тридцатилетней войны значительные территории. На самом деле, никакого парадокса здесь нет — противники Габсбургов, в первую очередь шведы и французы, стремились усилить немецкие протестантские княжества, которые могли бы стать эффективным противовесом власти императора.

На протяжении следующего века Гогенцоллерны упорно, кропотливо и с немалым искусством вели политику усиления своего государства и «собираания земель». Они лавировали между крупными державами, участвовали в качестве наемников в их конфликтах, стремясь извлечь для

себя максимальную выгоду. Это была непростая работа, и следом за двумя шагами вперед нередко приходилось делать шаг назад. В 1701 году курфюрст Фридрих III смог с согласия императора возложить на свою голову королевскую корону; княжество Бранденбург стало королевством Пруссия. Его сын Фридрих Вильгельм I посвятил всю свою жизнь созданию сильной армии и надежной финансовой основы для ее содержания. Пруссия в годы его правления все еще воспринималась в европейских столицах как сугубо второразрядное государство. Эта ситуация изменилась только в середине XVIII века.

В 1740 году в Центральной Европе произошло сразу два значимых события. Во-первых, скончался император Карл VI Габсбург, не имевший наследников мужского пола. Все свои владения он хотел передать дочери — Марии Терезии. С точки зрения правил престолонаследия ситуация была спорной, и смерть императора привела к династическому кризису и претензиям на куски габсбургского «пирога» со стороны других игроков. Во-вторых, в Пруссии после смерти Фридриха Вильгельма I на престол вззошел его сын, молодой Фридрих II. Он решил сразу же воспользоваться затруднениями Габсбургов и в ходе Первой Силезской войны 1740–1742 годов отнял у Марии Терезии богатую Силезию. Это не сошло ему с рук просто так: в ходе Семилетней войны 1756–1763 годов Пруссии в союзе с Англией пришлось противостоять коалиции

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

трех сильнейших континентальных держав — России, Австрии и Франции. Фридрих II лишь с большим трудом смог избежать разгрома, его королевство было совершенно разорено и истощено. Однако по итогам Семилетней войны за Пруссией прочно закрепился неформальный статус одной из великих держав.

Так сформировалась система германского дуализма — противостояния двух великих держав, Австрии и Пруссии — в Центральной Европе. Об объединении Германии пока не было и речи; Гогенцоллерны и Габсбурги стремились расширить сферу своего влияния и не дать усилиться оппоненту. Так, в 1770–1780-е годы Фридрих II успешно сорвал австрийские планы приобретения Баварии. Одновременно Пруссия увеличила свою территорию за счет земель Речи Посполитой.

Тем не менее королевство Гогенцоллернов оставалось самой маленькой и слабой из пяти великих держав, его статус покоился на хрупкой основе. Насколько хрупкой, наглядно продемонстрировали Наполеоновские войны. После начала Великой Французской революции Берлин проводил традиционную политику лавирования, стремясь извлечь выгоду из европейских конфликтов. С 1795 года Пруссия оставалась нейтральной, и это в конечном счете дорого ей обошлось. В 1806 году королевство Гогенцоллернов все же вынуждено было вступить в борьбу против Наполеона в весьма невыгодных для себя условиях. В октябре 1806 года прусская

армия была сметена, как карточный домик; само существование государства оказалось под угрозой. В конечном счете Пруссия осталась на карте Европы, но потеряла почти половину своей территории и превратилась во второразрядное государство, полностью зависевшее от прихоти французского императора.

Империя Габсбургов оказалась в той же ситуации гораздо более устойчивой. Принимая участие во всех антифранцузских коалициях (и являясь их главной ударной силой на суше), терпя поражение за поражением, теряя территории, Австрия все же осталась крупным игроком в европейской политике и смогла сохранить значительную степень независимости от Парижа. Тем не менее в 1812 году и пруссаки, и австрийцы вынуждены были направить «ограниченные контингенты» на помощь Наполеону, начавшему свою судьбоносную войну против России.

Война эта, как известно, окончилась для Бонапарта катастрофой, и в начале 1813 года русские войска вступили в Центральную Европу. Пруссия практически сразу же вошла в состав новой антифранцузской коалиции. В Вене действовали осторожнее: слишком свеж был в памяти опыт предыдущих войн, когда Австрии приходилось прилагать основные усилия и нести основные потери в случае неудачи. Поэтому Берлину удалось на некоторое время перехватить лидирующую роль в национальном антифранцузском движении в Германии.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Масштабы этого движения, впрочем, не следует переоценивать. Это уже задним числом борьба против Наполеона в 1813–1815 годах получила в немецкой историографии название Освободительной войны и воспевалась как всенародный подъем против ненавистных угнетателей. Реальность была гораздо скромнее: многие немецкие князья до последнего оставались союзниками Наполеона, а патриотическое движение хотя и было довольно масштабным, охватывало в основном образованный средний класс (явное меньшинство населения). Кроме того, у разоренной Пруссии было недостаточно ресурсов, чтобы проводить самостоятельную политику без опоры на сильных союзников.

В августе 1813 года Австрия все-таки присоединилась к антифранцузской коалиции. Вскоре с Наполеоном было покончено, и летом 1814 года в Вене открылся конгресс, которому предстояло определить контуры будущего европейского порядка и обеспечить мир и стабильность в системе. Одной из главных угроз этой стабильности было революционное движение. Европейским монархам было очевидно, что успешно бороться с ним можно было лишь совместно. В итоге, хотя противоречия между основными игроками никуда не делись, на Венском конгрессе сформировалась традиция сотрудничества великих держав в решении международных проблем — так называемый «Европейский концерт». Его составляла все та же пятерка великих держав (Франция вернулась в ее

состав уже в 1818 году). Традиция «Европейского концерта» стала одной из главных особенностей Венской системы международных отношений, существовавшей вплоть до 1914 года. Со своей задачей эта система справлялась достаточно успешно: большой европейской войны удавалось избегать на протяжении без малого ста лет.

Одним из ключевых вопросов Венского конгресса был германский. Старая Священная Римская империя германской нации прекратила свое существование в 1806 году по инициативе последнего императора. От ее воссоздания предпочли отказаться, однако сама идея конфедеративной структуры, которая обеспечивала бы безопасность и баланс сил в центре Европы, была весьма разумной. В итоге на территории бывшей империи создали Германский союз, в состав которого вошли все немецкие государства, включая Австрию и Пруссию. Две великие державы уравнивали друг друга, не позволяя ни одной из них стать гегемоном в Центральной Европе. В случае агрессии извне государства Германского союза составляли единую оборонительную структуру, однако вести активную внешнюю политику конфедерация не могла. Таким образом, Германский союз вносил существенный вклад в поддержание мира и баланса сил в европейской системе в целом.

По итогам Наполеоновских войн в Берлине хотели присоединить к своим владениям территорию Саксонии. В Вене горячо воспротивились,

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

опасаясь, что это приведет к опасному усилению Пруссии. Дело едва не дошло до конфликта, однако в конечном счете на Венском конгрессе было принято соломоново решение: Пруссия получила половину Саксонии, а также экономически развитую Рейнскую область. Смысл этого решения с точки зрения архитекторов Венской системы заключался в том, что монархия Гогенцоллернов теперь непосредственно граничила на западе с Францией и не могла уклониться от борьбы в случае очередной попытки Парижа установить свою гегемонию в Европе. В Берлине подобный компромисс был воспринят с некоторым недовольством: новые владения даже в географическом отношении были отделены от основной части Пруссии, а в религиозном и культурном были близки к Франции. Тем не менее вскоре именно Рейнская область стала экономическим «мотором» Пруссии, обеспечив ее быстрое индустриальное развитие.

Германский дуализм был таким образом восстановлен. В другой ситуации это привело бы к борьбе между Берлином и Веной за влияние на германские княжества. Однако в первой половине XIX века у Габсбургов и Гогенцоллернов был общий враг: революционное движение. Именно поэтому в Берлине взяли курс на сотрудничество с Веной, согласившись на ведущее положение Австрии в Германском союзе. Прусский король Фридрих Вильгельм III справедливо рассудил, что поддерживать стабильность Венской системы и свою власть

в стране в конечном счете выгоднее, чем играть в рискованные игры. Таким образом, на смену конкурентному дуализму пришел кооперативный дуализм, основанный на сотрудничестве двух немецких великих держав.

Австрия, в свою очередь, оставалась одним из ключевых гарантов стабильности того порядка, который был установлен в 1815 году. Главными сферами ее интересов были Германия, Италия и Балканы; во всех трех регионах предстояло поддерживать существующий баланс сил. Это была непростая задача, особенно ввиду подъема европейского национального движения. В одиночку монархия Габсбургов с ней справиться не могла.

XIX век часто называют эпохой национализма в Европе. Идея национального государства оказалась тесно переплетена с идеей суверенитета народа. В Германии национальное и либеральное движение были, по сути, единым целым. После Наполеоновских войн идея создания единого немецкого государства становилась все более популярной в обществе. Правда, необходимо опять оговориться, что речь идет не о большинстве немцев, а лишь о зажиточных и образованных слоях. Однако именно это делало борьбу с национальным и либеральным движением столь сложной для монархов: носителями опасных идей являлись новые элиты, игравшие огромную роль в экономике, государственном управлении, общественной жизни. Силы реакции вынуждены были ограничиться

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

борьбой с внешними проявлениями новых идейных течений: ограничить свободу прессы, запретить национальные манифестации и преследовать кружки недовольных. Естественно, что в долгосрочной перспективе это проблему никак не решало.

В 1820–1840-е годы Пруссия в целом достаточно послушно двигалась в фарватере Австрии, политикой которой тогда руководил знаменитый Меттерних. Тем не менее именно в это время стартовал проект, ставший определенного рода предвестником объединения немецких земель вокруг Берлина. Речь шла об экономической интеграции. Немецкая раздробленность и чересполосица были серьезным препятствием для развития внутреннего рынка, что особенно болезненно ощущалось в эпоху начавшейся в Европе индустриальной революции. В Пруссии были заинтересованы в формировании единого экономического пространства, и этот проект принял конкретные очертания в виде Таможенного союза. В Берлине мудро рассудили, что выносить вопрос о едином таможенном пространстве на рассмотрение Германского союза нет никакого смысла, и пошли по пути переговоров с отдельными княжествами. Первый таможенный договор был заключен еще в 1819 году, однако потребовалось больше десяти лет для того, чтобы Таможенный союз появился на свет. В его состав вошло большинство германских государств, за исключением ганзейских городов, северных княжеств, Бадена, а также Австрии. В экономическом отношении австрийские

интересы существенно расходились с прусскими; в Вене продолжали проводить политику меркантилизма, в то время как Таможенный союз установил достаточно низкие импортные пошлины. В результате лидирующую роль в новой интеграционной структуре играла монархия Гогенцоллернов. Создание Таможенного союза весьма положительно повлияло на экономическое развитие стран-участниц, и по темпам индустриализации Пруссия вскоре начала обгонять Австрию.

Тем временем представители немецкого национального движения обсуждали вопрос о том, как именно должна выглядеть объединенная Германия. Речь шла не только о форме правления — демократическая республика или конституционная монархия. Ключевым был вопрос о том, где пройдут границы общегерманского дома. Очевидно, что немецкое национальное государство в идеале должно включать в себя всех немцев. Но как быть с Австрийской империей и ее обширными венгерскими и славянскими территориями? Идеальным решением стало бы отделение от монархии Габсбургов немецких земель, но согласятся ли на такое расчленение сами австрийцы? В итоге сформировались два проекта: «великогерманский» — объединение с участием Австрии — и «малогерманский» — объединение без австрийцев, то есть, по сути, вокруг Пруссии. На начальном этапе именно сторонники первого проекта составляли явное большинство.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Шанс воплотить свои планы на практике у немецких националистов появился в 1848 году. Огонь революции, вспыхнувшей в феврале во Франции, быстро перекинулся на германские государства. Недовольство среднего класса сочеталось с отчаянием «низов», страдавших от серии неурожаев и проблем, связанных со сменой экономического уклада. В марте 1848 года революция произошла в Берлине и Вене. Монархи хотя и удержались на своих тронах, но были вынуждены пойти на серьезные уступки восставшим. Были созваны парламенты, к власти пришли либеральные правительства, началась разработка конституций. В Австрии ситуация осложнялась еще и национальными движениями за независимость; казалось, «лоскутной империи» пришел конец.

В этой ситуации никто не мог помешать созыву общегерманского Национального собрания во Франкфурте-на-Майне — органа, который занялся непосредственной подготовкой германского единства. Заседания начались в мае 1848 года, и между различными фракциями сразу же обнаружились серьезные противоречия. Они касались как государственного устройства, так и границ будущей единой Германии. Споры вокруг конституции заняли почти год; итоговый документ — «малогерманский» вариант, конституционная монархия — был принят только в марте 1849 года.

К этому моменту, однако, революция уже пошла на спад. К концу 1848 года немецким монархам

удалось в целом взять ситуацию в своих государствах под контроль. Лишенное реальных ресурсов, франкфуртское Национальное собрание превратилось, по сути, в большой дискуссионный клуб. Когда его представители прибыли в Берлин, чтобы предложить немецкую императорскую корону прусскому королю Фридриху Вильгельму IV, последний попросту отправил их восвояси. После этого принятая Национальным собранием конституция окончательно превратилась в бесполезный клочок бумаги, а само оно несколько месяцев спустя прекратило свое существование.

Отказ прусского короля историки часто объясняли его ненавистью к бунтовщикам и смутьянам. На самом деле, у Фридриха Вильгельма IV были куда более весомые мотивы для того, чтобы не принимать императорскую корону из рук Национального собрания. Прусский король не мог не понимать, что его согласие вызовет резкую негативную реакцию у множества игроков — начиная от немецких князей и заканчивая правителями великих держав. Вероятность оказаться в изоляции и потерпеть унижительное поражение в этих условиях становилась практически стопроцентной, призывать же себе на помощь силы революции значило бы рубить ножки собственного трона. Но сама идея примерить императорскую корону нравилась Фридриху Вильгельму IV. И прусский король решил пойти другим путем, который представлялся ему куда более надежным. Он начал переговоры с немецкими князьями.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Поначалу казалось, что этот проект имеет шансы на успех. Целый ряд малых и средних германских государств выразил готовность вступить в новую конфедерацию во главе с Пруссией. Однако, как и следовало ожидать, резко против выступила Австрия. В середине 1849 года монархия Габсбургов с российской помощью смогла подавить венгерскую революцию, и теперь в Вене были вновь способны проводить активную политику в германском вопросе. Австрийцы выступали за воссоздание дореволюционного Германского союза, в котором они по-прежнему могли бы играть роль лидера. Заодно они настаивали на своем вступлении в Таможенный союз, чтобы лишить Пруссию и этого инструмента лидерства.

Ситуация приобретала серьезный оборот. Прусские союзники один за другим переходили в австрийский лагерь. В течение всего 1850 года отношения между Берлином и Веной стремительно ухудшались. В воздухе запахло войной между двумя германскими державами. Роль арбитра взял на себя российский император Николай I, практически полностью поддержавший австрийскую позицию. В этой ситуации пруссакам оставалось только капитулировать. В конце ноября в Ольмюце было заключено австро-прусское соглашение, в соответствии с которым Германский союз восстанавливался в прежней форме, а Фридрих Вильгельм IV отказывался от своего интеграционного проекта. Единственное, чего удалось не

допустить пруссакам, — это принятия Австрии в Таможенный союз.

«Ольмюцкий позор» вызвал в Пруссии бурю возмущения. «Кооперативному дуализму» в Центральной Европе пришел конец. Австрия и Пруссия вновь боролись друг с другом. Впрочем, в Берлине мнения по поводу дальнейших взаимоотношений с Веной разделились. Так называемая «камарилья» — группа консервативных советников Фридриха Вильгельма IV во главе с братьями Герлахами — выступала за возобновление сотрудничества, основанного на борьбе с революцией и поддержании существующего порядка. Более скептически к дружбе с Австрией относились глава прусского правительства Отто фон Мантейфель и «экономический блок», раз за разом отражавший попытки Вены вступить в Таможенный союз либо развалить его. К этой же группировке относился представитель Пруссии в Союзном сейме (руководящем органе Германского союза) Отто фон Бисмарк. Ставленник «камарильи», благодаря которой он и был назначен на один из ключевых постов прусской внешней политики в обход профессиональных дипломатов, Бисмарк вскоре убедился в наличии непримиримых противоречий между интересами двух немецких держав. «Мы не можем долго сосуществовать друг с другом, — писал он в Берлин в конце 1853 года. — Мы конкурируем за воздух, необходимый для дыхания, и один из нас должен

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

уступить добровольно или по принуждению, до этого момента мы останемся противниками».

В ходе Крымской войны Мантейфель и Бисмарк выступали за сохранение нейтралитета. Пруссия оказалась, как между молотом и наковальней, между Россией и противостоящей ей англо-франко-австрийской коалицией. В конечном счете участия в конфликте удалось избежать. Нейтралитет не принес Берлину немедленных выгод, но позволил сохранить нормальные отношения и с Веной, и с Петербургом.

Во внутренней политике 1850-е годы в Пруссии часто называют эрой реакции. Речь, однако, не шла о полном возврате к дореволюционной ситуации. Пруссия теперь являлась конституционной монархией с двухпалатным парламентом — ландтагом. Его полномочия были весьма ограниченными, члены верхней палаты назначались королем, а выборы в нижнюю проходили по сложной системе, которая давала серьезные преимущества представителям обеспеченных слоев населения. Впрочем, именно последнее обстоятельство было выгодно новым элитам, в наибольшей степени выигравшим от экономического подъема 1850-х годов. В результате либералы вскоре смогли получить большинство в нижней палате ландтага.

В связи с болезнью Фридриха Вильгельма IV править Пруссией в 1857 году начал его младший брат Вильгельм (через три с небольшим года он наденет королевскую корону). Как это часто бывало,

новый правитель провозгласил начало «новой эры». «Камарилья» лишилась власти, было сформировано правительство из умеренных либералов, которые должны были осуществить необходимые преобразования. Благие начинания, однако, вскоре разбились о проект военной реформы.

Прусская армия, начиная с эпохи Освободительных войн, состояла из двух ключевых элементов. Линейные части комплектовались на основе всеобщей воинской повинности; солдаты служили под знаменами три года (на некоторое время этот срок был даже сокращен до двух лет), после чего зачислялись в резерв. Наряду с ними существовал ландвер, в который попадали все мужчины в возрасте от 17 до 40 лет, не вошедшие в состав ежегодного призывного контингента или уже окончившие службу. В мирное время они периодически собирались на краткосрочные учения; в случае войны самостоятельные подразделения ландвера сражались бок о бок с линейными частями в рядах действующей армии.

Эта система обладала тем неоспоримым преимуществом, что обходилась гораздо дешевле, чем большая армия из профессиональных солдат, характерная для континентальных великих держав того периода. Пруссия по-прежнему оставалась самой маленькой и бедной в «европейской пятерке». Кроме того, по мысли военных реформаторов начала XIX века, ландвер должен был обеспечивать связь между армией и обществом. Однако

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

с течением времени как военная эффективность подразделений ландвера, так и их политическая благонадежность стали вызывать возрастающие сомнения. В конце 1850-х годов под руководством регента был подготовлен проект военной реформы, который подразумевал значительное увеличение числа линейных полков, рост в полтора раза ежегодного призывного контингента и превращение ландвера в сугубо вспомогательную структуру.

У либерального большинства в парламенте этот план не вызвал энтузиазма. Деньги на усиление армии в Пруссии были, необходимость преобразований с военной точки зрения тоже была очевидна. Однако депутаты прекрасно видели политическое измерение реформы; их не устраивало превращение армии в послушный монарху инструмент, изолированный от общества. Либеральная оппозиция требовала от Вильгельма встречных уступок, в том числе сокращения срока службы. Регент, являвшийся консерватором до мозга костей и считавший военные дела исключительной сферой полномочий монарха, оказался не готов к компромиссу. В 1860 году реформа была проведена явочным порядком. Депутаты не могли заблокировать ее напрямую, однако в их руках был весьма действенный инструмент в виде утверждения бюджета. Нижняя палата попросту отказалась санкционировать увеличившиеся военные расходы.

Ситуация зашла в тупик. Ни одна из сторон не хотела уступить, «военный» конфликт перерос

в «конституционный» — вопрос о том, до каких пределов простирается в государстве власть монарха и парламента. В 1861 году Вильгельм I был коронован; практически одновременно оппозиция объединилась в рамках Прогрессивной партии. Роспуск нижней палаты не принес никаких плодов; более того, «прогрессисты» одержали на выборах убедительную победу. Ситуация стала патовой.

Именно в такой обстановке в сентябре 1862 года главой прусского правительства был назначен Отто фон Бисмарк. Положение его выглядело незавидным: исключительно непопулярный в прусском обществе, он должен был найти хоть какой-то выход из тупика. Пойти на серьезные уступки депутатам в вопросе военной реформы Бисмарк не мог. Поэтому новый глава правительства предложил им другое: активную политику в германском вопросе, направленную в конечном счете на осуществление мечты о национальном единстве. Именно в этом смысле следует понимать его знаменитые слова, произнесенные вскоре после вступления в должность: «Не на либерализм Пруссии смотрит Германия, а на ее мощь. <...> Пруссия должна сконцентрировать свои силы и держать их наготове для благоприятного момента, который уже был упущен несколько раз. Границы Пруссии, установленные Венским конгрессом, неблагоприятны для здоровой государственной жизни. Не речами, не постановлениями большинства решаются вопросы времени — это

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

было большой ошибкой 1848 и 1849 годов — а железом и кровью».

Однако репутация человека во многом определяет то, как его воспринимают окружающие. В словах Бисмарка слышали лишь безудержную кровожадность яркого реакционера. Бюджет так и не был утвержден, и главе правительства пришлось делать хорошую мину при плохой игре, заявляя, что конституция не содержит на такой случай никаких указаний, поэтому придется править вообще без бюджета. Оппозиционное большинство нижней палаты в ответ обвинило Бисмарка в нарушении закона и призвало граждан не платить налоги. Ситуацию немного спасало лишь то, что либералы были не особенно заинтересованы в дальнейшем углублении кризиса и рассчитывали взять правительство измором.

Единственной опорой Бисмарка являлся прусский король, и это, откровенно говоря, была не слишком надежная опора. В критической ситуации Вильгельм I нередко начинал колебаться под грузом ответственности. На внешнеполитическом поприще 1863 год тоже поначалу не принес главе правительства ничего хорошего. В соседнем с Пруссией Царстве Польском вспыхнуло очередное восстание против российского господства. Пруссия, поддерживавшая Россию, снова оказалась между молотом и наковальней. Париж, Лондон и Вена опять, как в годы Крымской войны, договаривались друг с другом и начали предпринимать

дипломатические демарши в пользу поляков. Давление оказывалось не только на Петербург, но и на Берлин. И это не говоря уже о том, что прусская оппозиция не упустила случая заклеить Бисмарка в качестве подручного кровавого тирана, купающегося в крови свободолюбивых поляков. Только подавление польского восстания положило конец этой крайне неудобной для прусского правительства ситуации. Однако ей на смену тут же пришла другая, не менее серьезная угроза, и ее источником в очередной раз была Вена.

После подавления революции 1848–1849-х годов и подписания Ольмюцкого соглашения австрийское правительство во главе с князем Шварценбергом взяло курс на построение унитарного государства. Только что принятая конституция была отменена уже в 1851 году; получившаяся система получила название неоабсолютизма. Одновременно монархия Габсбургов стремилась восстановить свое влияние в Европе — задача, для которой у нее явно не хватало ресурсов. Это стало особенно заметно во время Крымской войны. Австрийцы не могли ни допустить расширения сферы влияния России на Балканах, ни воевать всерьез. В итоге монархия Габсбургов присоединилась к англо-французскому союзу, оказывала на Российскую империю дипломатическое давление, однако в войну так и не вступила. Привлечь на свою сторону государства Германского союза Вене тоже не удалось.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Результат был плачевным: по итогам Крымской войны Австрия оказалась в изоляции. К этому добавлялись расстроенные финансы и низкие темпы индустриализации.

Между тем, в Европе хватало желающих изменить сложившийся баланс сил. К их числу относились премьер-министр Сардинского королевства граф Кавур и император Франции Наполеон III. Первый хотел обеспечить своему государству доминирующее положение на Апеннинском полуострове, второй — в Европе. И в том, и в другом случае основной преградой являлась монархия Габсбургов. Летом 1858 года два политика договорились друг с другом: Франция поддержит Сардинию в войне против Австрии, поможет приобрести Ломбардию и Венецианскую область, а взамен получит Савойю и Ниццу. Наполеон III рассчитывал не только расширить территорию Франции, но и приобрести верного сателлита.

Франко-сардинские планы не стали тайной для венских политиков. Австрийцы начали готовиться к войне. Проблема заключалась в том, что долго держать армию под ружьем они не могли по чисто финансовым соображениям. Поэтому в Вене решились на отчаянный шаг: предъявили Сардинскому королевству ультиматум, а после его отклонения в апреле 1859 года объявили войну. Выступив в роли агрессора, австрийцы лишили себя возможности обратиться за помощью к государствам Германского союза.

Война оказалась скоротечной. Уже в июне французы (при скорее пассивном участии сардинцев) нанесли австрийцам два серьезных поражения. Ни одно из них не было по-настоящему сокрушительным, однако и в Париже, и в Вене пришли к выводу, что войну пора заканчивать. Возникла серьезная опасность того, что германские государства во главе с Пруссией все же вступят в войну, а этого не хотел никто. Австрия отделалась Ломбардией (сохранив за собой Венецианскую область), которую Наполеон III торжественно передал сардинскому королю. В Турине громко возмущались тем, что соглашение 1858 года не было выполнено в полной мере, однако итальянский вклад в победу над Австрией был явно непропорционален итальянским запросам.

Впрочем, сардинский король вскоре смог сполна вознаградить себя: в начале 1860 года к Сардинии присоединились небольшие государства Центральной Италии, а в середине года знаменитый Гарибальди с боями прошел все Королевство Обеих Сицилий, после чего юг полуострова торжественно воссоединился с севером. В марте 1861 года было провозглашено создание Итальянского королевства. Единственным независимым от него государственным образованием на Апеннинском полуострове оставалась Папская область вокруг Рима. Защищали главу католической церкви, разумеется, не высшие силы, а группировка французских войск. Покровительство католическому

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

первосвященнику было важно для Наполеона III по внутривнутриполитическим соображениям. На объединение Италии французский император смотрел без всякого энтузиазма, но смирился с произошедшим, получив в качестве отступного Савойю и Ниццу.

Тем временем в Австрии пытались каким-то образом найти выход из создавшегося положения. В стране снова начались конституционные эксперименты: в 1860 году появился так называемый «Октябрьский диплом», который уже через несколько месяцев был заменен на «Февральский патент». Одновременно, утратив сферу влияния в Италии, австрийская внешняя политика активизировалась в германском вопросе. Задача заключалась в том, чтобы провести реформу Германского союза, которая привела бы к более тесной политической интеграции (тем самым удалось бы привлечь на свою сторону национальное движение) и одновременно закрепляла бы доминирование Австрии. Первые предложения были озвучены Веной еще летом 1862 года, а год спустя был подготовлен проект, предусматривавший создание во главе Германского союза директории из пяти членов, включая Австрию и Пруссию, при этом место председателя закреплялось за австрийским делегатом. Одновременно предлагалось периодически созывать парламент Германского союза, сформированный из делегаций законодательных органов отдельных немецких государств. Обсудить и принять этот проект планировалось на съезде германских монархов во

Глава 1. Германский дуализм

Франкфурте-на-Майне во второй половине августа 1863 года.

Успех был почти достигнут, однако хитроумный австрийский план оказался сорван Бисмарком, который ценой немалых усилий убедил своего короля попросту игнорировать съезд монархов. В итоге во Франкфурте-на-Майне малые и средние государства согласились на предложения Вены — но при единственном условии, что они будут приняты пруссаками. Бисмарк же выдвинул такие встречные условия, на которые австрийцы пойти не могли. Одновременно была успешно отражена еще одна попытка Вены проникнуть в Таможенный союз.

Только в конце 1863 года прусская дипломатия смогла наконец перейти от обороны к наступлению. Произошло это благодаря тому, что один из «замороженных конфликтов» тогдашней Европы — шлезвиг-гольштейнский — вновь перешел в острую стадию.

Глава 2

От любви до ненависти

Британский премьер-министр лорд Пальмерстон однажды сказал: «Шлезвиг-гольштейнский вопрос настолько сложен, что только три человека в Европе вообще понимали его. Одним был принц Альберт, который умер. Вторым — один немецкий профессор, который сошел с ума. Я третий, и уже вовсе забыл все, что знал о нем». На самом деле, английский политик сильно преувеличивал, и объяснить суть проблемы можно в нескольких словах. Шлезвиг и Гольштейн — два северогерманских герцогства, принадлежавших датскому королю на правах личной унии. Населены они были в основном немцами, только в северной части Шлезвига большинство составляли датчане. Еще в середине XV века было заключено соглашение, в соответствии с которым герцогства объявлялись «навсегда нераздельными», то есть их статус должен был оставаться одинаковым. При этом Гольштейн являлся частью созданного в 1815 году Германского союза, а Шлезвиг — нет.

Для эпохи раннего Нового времени такая ситуация была абсолютно нормальной. Но в XIX веке она уже выглядела чудовищным, противоестественным анахронизмом. В «век национализма» Шлезвиг и Гольштейн превратились в пространство, на котором сталкивались два течения. Датские националисты хотели сделать герцогства (как минимум Шлезвиг) неотъемлемой частью своего государства. Для немецких националистов Шлезвиг и Гольштейн были частью германского отечества, находившейся под властью чужаков.

До вооруженного столкновения впервые дело дошло в рамках европейских революций 1848–1849-х годов. В Шлезвиге и Гольштейне также началось восстание против датчан. Оно было поддержано Национальным собранием во Франкфурте и прусской армией. Однако великие державы быстро вмешались в конфликт. Под давлением Англии, Франции и России пруссаки вынуждены были умерить свой пыл. Хотя война продолжалась вплоть до 1851 года, дело фактически закончилось победой Дании. Тем не менее датчанам не удалось добиться своей максимальной цели. Лондонский протокол 1852 года фактически зафиксировал прежнее положение дел, «заморозив» конфликт, но не удовлетворив полностью ни одну из сторон.

В 1863 году датчане вновь предприняли попытку присоединить к себе Шлезвиг. Ситуация осложнялась тем, что одновременно в стране разразился династический кризис: король Фредерик VII не

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

оставил преемника и после его смерти 15 ноября на престол вступил Христиан IX из династии Глюксбургов. Это позволило «безземельному» герцогу Фридриху из Зондербург-Аугустенбургской династии предъявить на Шлезвиг и Гольштейн свои права. Христиан IX, в свою очередь, подписал новую конституцию, в соответствии с которой Шлезвиг фактически являлся частью Дании. Это стало уже прямым нарушением Лондонского протокола.

На немецкую общественность все происходящее, естественно, подействовало как красная тряпка на быка. Раздавались призывы к освобождению угнетаемых немецких братьев, а герцог Фридрих в одночасье стал едва ли не самым популярным человеком в Германии. Под давлением общественности Союзный сейм постановил вмешаться в ситуацию. В начале декабря саксонский и ганноверский контингенты были введены на территорию Гольштейна.

В Берлине происходящее вызвало ожесточенные споры. Кронпринц Фридрих Вильгельм высказывался за то, чтобы поддержать герцога Аугустенбургского. Однако Бисмарк прекрасно помнил, чем закончилась аналогичная по своей сути попытка пятнадцать лет назад. Глава прусского правительства выступал за строгое соблюдение Лондонского протокола — позиция, которая не прибавила ему очков в глазах немецкого национального движения. Однако Бисмарку удалось

заручиться поддержкой другого, несколько неожиданного союзника — Австрии.

На самом деле, мотивы венских политиков были вполне понятны. С одной стороны, здесь не хотели допустить опасного подъема национального движения. С другой — не могли остаться в стороне от происходящего, не рискуя утратить свои позиции в Германском союзе. Поэтому позиция строгого соблюдения Лондонского протокола идеально подходила австрийцам, и сотрудничество с Пруссией на этом направлении выглядело вполне естественным. 16 января 1864 года в Берлине была подписана австро-прусская конвенция о совместных действиях двух держав против Дании. «Еще никогда мир не видел, чтобы венская политика была в такой степени руководима из Берлина и в целом, и в частности», — ликовал Бисмарк. Для него кризис был шансом добиться реальных внешнеполитических успехов и укрепить свое положение внутри страны. До этого, однако, требовалось пройти долгий путь.

Обе великие немецкие державы предъявили Дании ультиматум с требованием вернуться к статус-кво, предписанному Лондонским протоколом. После того как из Копенгагена пришел ожидаемый отказ, 1 февраля ограниченный контингент австро-пруссских войск пересек реку Эйдер, отделявшую Гольштейн от Шлезвига. Несмотря на то, что быстро уничтожить датскую армию союзникам не удалось, шансов у датчан было откровенно

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

немного. Австрийские и прусские войска достаточно быстро оккупировали не только Шлезвиг, но и всю Ютландию.

В Копенгагене надеялись в первую очередь на вмешательство других держав. Действительно, в конце апреля в Лондоне открылась международная конференция в лучших традициях «Европейского концерта». На театре военных действий было заключено перемирие, и за дело взялись дипломаты. Их усилия не привели ни к какому положительному результату: все компромиссные планы были отвергнуты либо одной, либо другой стороной. Датчан категорически не устраивал вариант возврата к Лондонскому протоколу: внутри страны это было бы воспринято как поражение. Поэтому датская делегация проявила неуступчивость, рассчитывая на то, что Россия и Британия в конечном счете защитят Данию, как это было в 1848 году.

В Копенгагене не учли одного: ситуация с тех пор изменилась. Сотрудничество в рамках «Европейского концерта» после Крымской войны серьезно ослабло. Идти на серьезный конфликт ради сохранения статус-кво в европейских столицах готовы не были. 25 июня конференция в Лондоне завершилась безрезультатно, а несколько дней спустя прусские войска поставили датчанам шах и мат, высадившись на острове Альс. 20 июля было заключено перемирие, а 1 августа — подписан предварительный мирный договор, по которому

Шлезвиг и Гольштейн переходили в совместное владение Австрии и Пруссии.

На этом, однако, история не закончилась. Более того, все только начиналось. Было очевидно, что «совместное владение» — лишь временная ситуация. Что придет ей на смену? Немецкая общественность громко требовала создания нового независимого государства под скипетром Фридриха Аугустенбургского. К этому же решению склонялись и в Вене. Бисмарк, однако, не видел никакой выгоды для Пруссии в появлении еще одного среднего германского княжества, которое наверняка противилось бы усилению влияния Берлина. На переговорах с герцогом Фридрихом глава прусского правительства выдвинул такие условия, которые в случае их принятия превращали бы Шлезвиг–Гольштейн в прусский протекторат. Герцог с возмущением отказался, веря в силу своей популярности в Германии в целом и в герцогствах в частности.

Однако главным партнером по переговорам для прусского руководства был вовсе не безземельный кандидат на престол, а австрийцы. Согласно распространенной легенде, гениальный Бисмарк целенаправленно вел дело к конфликту с Австрией, используя нерешенный вопрос северных герцогств как тлеющий костер, с помощью которого в любой момент можно было бы разжечь пожар. В реальности политический талант Бисмарка заключался не в том, что он придумывал и воплощал в жизнь

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

сложные многоходовки (которые в настоящей, а не кинематографической реальности оказываются крайне хрупкими и ненадежными), а в его способности держать открытыми несколько путей, выбирая тот из них, который в наибольшей степени соответствовал меняющейся ситуации. Как говорил он сам впоследствии, «необходимо всегда держать в огне два куска железа».

Бисмарк прекрасно понимал, какие риски таит в себе конфронтация с Австрией. Монархия Габсбургов была сильным противником, к тому же пользовавшимся поддержкой всех более или менее значимых немецких государств. Великие державы пристально наблюдали за происходящим в центре Европы и старались сохранить существующий баланс. Внутри Пруссии глава правительства по-прежнему находился в изоляции. Да, отдельные представители немецкого национального движения после войны с Данией изменили свое отношение к Бисмарку и видели в нем человека, который вольно или невольно способствует своей политикой объединению Германии. Но это были только первые ласточки: «конституционный конфликт» продолжался, большинство в нижней палате ландтага не было готово пойти на какие-либо уступки. В этой ситуации куда более выигрышным вариантом выглядел компромисс с Веной, полюбовная договоренность о разделе сфер влияния.

Именно такая договоренность обсуждалась на встрече монархов и министров иностранных дел

двух держав в австрийском Шёнбрунне в конце августа 1864 года. Несмотря на то что к конкретным решениям прийти не удалось, общая атмосфера была благоприятной. Австрийской внешней политикой руководил граф Рехберг — сторонник союза с Пруссией. Той же линии придерживался и император Франц Иосиф, писавший осенью 1864 года: «К сожалению, союз с Пруссией является в сложившейся ситуации единственно правильным, и нужно продолжить прилагать усилия к тому, чтобы сохранить Пруссию на верном пути».

Вскоре, однако, эта гармония оказалась разрушена. В конце 1864 года был подписан обновленный договор о Таможенном союзе, за пределами которого опять оставалась Австрия. Бисмарк выступал за то, чтобы сделать Вене хоть какие-нибудь уступки, однако экономический блок в прусском правительстве был совершенно непреклонен. Австрийское руководство оказалось глубоко разочаровано; Рехберг ушел в отставку, новым руководителем внешней политики стал Менсдорф, ориентировавшийся на Францию. Напряженность в австро-пруссских отношениях начала стремительно нарастать.

Дипломатическую борьбу тех лет часто принято изображать в упрощенном виде: гениальный в своем коварстве Бисмарк буквально загонял наивных австрийцев в тупик. На деле в Вене тоже серьезно размышляли над тем, как дальше развивать отношения с Берлином. Конфликт с Пруссией

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

казался австрийским политикам не таким уж плохим вариантом: он позволил бы Вене в случае успеха разом улучшить и внешне-, и внутривнутриполитическую ситуацию империи Габсбургов. Таким образом, обе стороны активно маневрировали, стремясь обеспечить себе наиболее благоприятные условия.

В Пруссии весной 1865 года отношения с Австрией стали предметом серьезных споров. На коронном совете 29 мая Бисмарк заявил, что единственным возможным вариантом в текущих условиях является аннексия северных герцогств, которая с высокой долей вероятности приведет к австро-прусской войне. К столь решительным действиям, однако, не был готов прусский король. Да и начинать войну в неблагоприятных условиях было бы слишком рискованно. Поэтому переговоры по проблеме северных герцогств между Берлином и Веной продолжались. В августе 1865 года в Гаштейне было подписано еще одно компромиссное соглашение, по которому временное управление в Гольштейне передавалось Австрии, а в Шлезвиге — Пруссии. Это несколько упростило ситуацию, но не разрешило основную проблему. Гаштейнская конвенция могла стать как фундаментом для дальнейших договоренностей, так и простой отсрочкой вооруженного конфликта. Решиться это должно было уже в ближайшие месяцы.

Обе стороны готовились к худшему сценарию. Австрийцы сквозь пальцы смотрели на агитацию

в пользу Фридриха Аугустенбургского в Гольштейне, рассчитывая использовать популярного герцога в качестве своего союзника. Пруссак, в свою очередь, вели переговоры с другими игроками. Ключевое значение приобретала в тогдашних условиях позиция Франции, игравшей, по сути, доминирующую роль в Западной Европе. В октябре 1865 года Бисмарк встретился в Биаррице с Наполеоном III. Глава прусского правительства уверял, что хочет выстроить с Францией долговременные дружественные отношения. Французский император, в свою очередь, не возражал против аннексии Берлином северных герцогств, однако дал понять, что его благосклонность будет иметь свою цену.

В феврале 1866 года и в Берлине, и в Вене независимо друг от друга было принято решение готовиться к войне. Естественным союзником Пруссии в надвигающемся конфликте была Италия — Венеция по-прежнему оставалась объектом вождения молодого государства. После недолгих переговоров 8 апреля был заключен тайный союз, в соответствии с которым итальянцы брали на себя обязательство принять участие в австро-прусской войне, если она начнется в течение ближайших трех месяцев. Обратный отсчет был включен. В Пруссии никто не строил иллюзий по поводу боеспособности итальянской армии, однако она могла оттянуть на себя хотя бы часть сил противника.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

На следующий же день Бисмарк внес на рассмотрение Германского союза предложение о созыве общенационального парламента, сформированного на основе всеобщих и прямых выборов. Если бы дело происходило сегодня, в Интернете этот шаг назвали бы «толстым троллингом». Впрочем, и современники тех событий за словом в карман не лезли. Один берлинский сатирический журнал написал, что, если глава прусского правительства будет продолжать в том же духе, выпуск издания придется прекратить — соперничать с Бисмарком по части сатиры и юмора решительно невозможно. В целом немецкое общественное мнение отнеслось к прусскому предложению крайне скептически — у многих не укладывалось в голове, что человек с репутацией ярого реакционера может всерьез пойти на столь революционный шаг.

Попытка привлечь на свою сторону немецкую общественность, таким образом, не удалась. Зато спровоцировать Вену получилось в полной мере. Ответ не заставил себя ждать: 26 апреля австрийцы заявили, что собираются передать проблему северных герцогств на рассмотрение Германского союза. Это было прямым нарушением Гаштейнской конвенции и еще одним шагом к войне. Австрийцы отказались от французского предложения созвать европейский конгресс по шлезвиг-гольштейнскому вопросу. Тем не менее, переговоры между Парижем и Веной продолжались. Их итогом стало подписание 12 июня тайного соглашения, в соответствии

с которым австрийцы соглашались в обмен на благожелательный нейтралитет Франции в будущей войне уступить Венецию и согласиться на территориальные изменения на левом берегу Рейна. Компенсировать себя Австрия могла за счет побежденной Пруссии.

Наполеон III твердо рассчитывал стать главным победителем в австро-прусском конфликте вне зависимости от его исхода. Столкновение двух немецких держав позволяло французам выступить в решающий момент в роли арбитра и потребовать за свое посредничество соответствующую плату. В Париже исходили из того, что силы противников будут примерно равны и война затянется.

Большое значение имела в этом случае и позиция России. Вопреки распространенному впоследствии мифу, в Петербурге вовсе не были готовы оказать Берлину безоговорочную поддержку. Российское руководство, конечно, не испытывало никакого желания помогать Австрии, отношения с которой были натянутыми со времен Крымской войны и отнюдь не улучшились в ходе «польского кризиса» 1863 года. Однако российская дипломатия тоже рассчитывала извлечь выгоду из австро-прусского конфликта, выступив в роли посредника и вернув себе значительную часть влияния в Европе, утраченного по итогам Крымской войны. И российская, и французская дипломатия вскоре доставят Бисмарку немало головной боли.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Тем временем маховик конфликта раскручивался все быстрее. Обе стороны приступили к мобилизации вооруженных сил. 1 июня Австрия вынесла вопрос северных герцогств на рассмотрение Германского союза. Одновременно было объявлено о намерении созвать в Гольштейне словесное представительство — открытая подготовка к признанию Фридриха Аугустенбургского законным правителем герцогств. В ответ Пруссия объявила о нарушении Гаштейнской конвенции и обвинила Вену в провоцировании конфликта. 9 июня прусская армия приступила к оккупации Гольштейна; австрийский контингент, не приняв боя, отошел на территорию Ганновера. На следующий день из Берлина в столицы германских государств был направлен проект нового союзного договора, который предусматривал исключение Австрии из состава Германского союза и созыв общенационального парламента.

12 июня отношения между Берлином и Веной были разорваны; обе стороны апеллировали к европейским дворам, обвиняя друг друга в агрессии. По меньшей мере во Франкфурте-на-Майне австрийцы имели успех: 14 июня Германский союз принял решение о мобилизации немецких контингентов, исключая прусский. Фактически это означало, что большинство малых и средних немецких государств окажутся в начинающемся конфликте на стороне Вены. В ответ Пруссия направила Саксонии, Ганноверу и Кургессену ультиматум с требованием

примкнуть к ней. Ультиматум был отвергнут. 16 июня прусские войска пришли в движение, перейдя границы страны. На следующий день Германский союз принял решение, обязавшее все немецкие государства силой принудить Пруссию к миру. Война началась.

Трезво оценивая тогдашнюю ситуацию, необходимо признать, что Бисмарку в процессе подготовки конфликта не удалось полностью достичь поставленных целей. В первую очередь он не смог возложить ответственность за войну на монархию Габсбургов. Именно Пруссию немецкое общественное мнение считало возмутительницей спокойствия. Хуже того — поскольку Австрия все еще рассматривалась как германское государство, война в глазах многих выглядела гражданской, братоубийственной. В Пруссии значительная часть общества придерживалась той же точки зрения. Курс на войну был откровенно непопулярен, и мобилизованные резервисты являлись на призывные пункты без всякого воодушевления, лишь повинувшись чувству долга. 9 мая на Бисмарка было совершено покушение; студент, мечтавший «освободить Отечество от чудовища», выстрелил в него в упор из револьвера. Глава правительства отделался легким испугом — к большому сожалению многих в Пруссии, не говоря уже о других немецких государствах. Бисмарка без всякой натяжки можно было назвать в эти месяцы самым непопулярным и ненавистным человеком в Германии.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Глава прусского правительства рисковал многим. Сам Бисмарк говорил, что, если дела пойдут плохо, он погибнет в последней атаке. На кону стояла не просто его политическая карьера — будущее Пруссии было под угрозой. Неслучайно король Вильгельм I долго колебался, до последнего стараясь избежать войны. Монархия Гогенцоллернов могла многое выиграть, но многое и потерять. Если бы прусская армия потерпела сокрушительное поражение, территориальные уступки и потеря влияния в Германии оказались бы практически неизбежными. Даже простое затягивание войны было чревато тем, что в результате вмешательства соседей все вернется на круги своя и понесенные потери окажутся бессмысленными. В условиях продолжающегося внутриполитического конфликта такой исход можно было смело приравнять к поражению. Прусскому руководству требовалась быстрая и убедительная победа. Получится ли ее одержать? Как минимум один человек в Берлине был в этом уверен. Имя этого человека вскоре станет знаменитым на всю Европу. Его звали Гельмут фон Мольтке.

На этом можно завершить рассказ о политической предыстории Немецкой войны и перейти к боевым действиям. Войну часто сравнивают с шахматной партией; это не вполне корректно по многим причинам. Достаточно сказать, что в шахматах игрок четко видит положение фигур противника; театр военных действий окутывает «туман войны». Шахматные фигуры движутся в соответствии

Глава 2. От любви до ненависти

с неизменными, раз и навсегда установленными правилами; столкновение двух из них не может преподнести сторонам никакого сюрприза — в отличие от реальной войны. Наконец, в шахматах и ферзь, и пешка безоговорочно повинуются приказам игрока. Сложно представить себе, чтобы ладья, отправленная игроком на другой край доски, вдруг на середине пути остановилась, исходя из собственной оценки ситуации. На войне такое случалось сплошь и рядом.

Поэтому мы не будем описывать Немецкую войну, как шахматную партию. Гораздо более подходящая (хотя и небезупречная) метафора — это драма. Драма, в которой есть своя завязка, кульминация и финал. Есть неожиданные повороты сюжета и своя, на первый взгляд, незаметная логика, делающая конечный исход вполне объяснимым. Попробуем посмотреть на Немецкую войну 1866 года именно в таком ключе. Но сначала поговорим о тех армиях, которым предстояло встретиться на поле боя.

Глава 3

Завязка

В середине 1860-х годов австрийская армия хотя и не считалась лучшей в Европе (это была прерогатива французов), однако пользовалась достаточно хорошей репутацией. Формально в Австрийской империи существовала система всеобщей воинской обязанности; ежегодно под ружье призывалось более 80 тысяч человек. Тем не менее ряд категорий (в том числе выпускники гимназий) были освобождены от призыва, а представители имущих классов могли откупиться, выставив вместо себя «заместителя». Срок службы теоретически составлял восемь лет в строю и два в резерве, но на практике пехотинцев обычно отправляли в бессрочный отпуск не позднее чем через три года, кавалеристов и артиллеристов — через восемь лет.

Австрийская армия была многонациональной, как и сама империя, и далеко не все солдаты знали немецкий язык и понимали своих офицеров. Чтобы решить эту проблему, подразделения комплектовали по национальному признаку. Однако здесь в игру вступали соображения внутренней

политики: на случай национальных волнений полки габсбургской армии дислоцировались в тех регионах, где у них не было никаких связей с местным населением. В результате подразделение размещалось вдали от того района, из которого получало пополнение, и «отпускникам» было не просто в случае мобилизации быстро добраться до своих частей.

К внутривойсковым соображениям постоянно добавлялись и финансовые: казна Австрийской империи находилась не в лучшем состоянии, и это вынуждало экономить. Хотя на бумаге австрийская армия военного времени насчитывала около 850 тысяч человек, на практике этот показатель был недостижим: в 1866 году после мобилизации в ее рядах оказалось лишь около 530 тысяч солдат и офицеров, из которых только 320 тысяч — непосредственно в боевых частях. Тем не менее по меркам рассматриваемого времени и это число являлось довольно внушительным.

Офицерский корпус австрийской армии был в общем и целом неплох. Продвижение по службе в значительной степени зависело от происхождения, однако и выходцы из средних слоев могли сделать вполне успешную карьеру. Среди австрийских офицеров мужество ценилось намного выше, чем дисциплина и склонность к упорному труду. Поэтому качество боевой подготовки как рядового, так и командного состава в мирное время оставляло желать много лучшего.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

И все же в Итальянской кампании 1859 года австрийцы показали себя с лучшей стороны. Их мужество и стойкость признавали даже противники, а в битве при Мадженте 4 июня французы вообще были на волосок от поражения. Неудачный итог кампании не нанес серьезного ущерба авторитету австрийской армии — в конце концов, они проиграли лучшим солдатам Европы. Полученный в этих боях опыт стал предметом тщательного изучения, и в Вене сочли, что пехота должна позаимствовать французскую тактику — делать акцент на массированные штыковые атаки глубокими батальонными колоннами. В 1866 году это сыграет с австрийцами злую шутку — готовиться к прошедшей войне не всегда разумно.

Пехотное вооружение было вполне адекватным для того времени — дульнозарядные винтовки системы Лоренца отличались неплохой точностью и дальностью стрельбы. В 1859 году они продемонстрировали свое превосходство над французскими винтовками. Австрийская артиллерия в первой половине 1860-х годов была перевооружена с гладкоствольных на вполне современные нарезные дульнозарядные орудия с дальностью стрельбы 3–4 километра; артиллеристы отличались хорошим уровнем подготовки. Проблема, впрочем, общая для многих армий того времени, заключалась в том, что лишь часть батарей должна была участвовать в сражениях с самого начала, в то время как массу орудий держали в резерве,

чтобы использовать в решающий момент. Гордостью австрийской армии считалась ее кавалерия, которую современники нередко называли лучшей в мире и которая, опять же, в 1859 году неоднократно демонстрировала свое превосходство над французской.

В австрийской армии насчитывалось в общей сложности десять корпусов по четыре пехотных бригады в каждом. Каждая бригада состояла из двух пехотных полков, егерского батальона и артиллерийской батареи (восемь четырехфунтовых орудий). Непосредственно в подчинении каждого корпуса находились еще шесть батарей резервной артиллерии, а также два кавалерийских полка. Остальная кавалерия была сведена в самостоятельные дивизии. Структура соединений, впрочем, могла быть различной, и двух совершенно одинаковых корпусов в австрийской армии попросту не существовало.

Сильные стороны австрийской армии были налицо, слабые же не столь очевидны и могли проявить себя только в ситуации реальной большой войны. Ограниченный контингент габсбургских войск хорошо показал себя и в скоротечной кампании против датчан. Неудивительно, что многие наблюдатели в тогдашней Европе считали австрийскую армию лучше прусской и оценивали шансы последней на успех довольно невысоко.

Действительно, военная слава эпохи Фридриха Великого давно потускнела, заслоненная к тому же

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

позором разгрома при Йене 1806 года. К описываемому периоду прусская армия уже более полувека не участвовала в больших войнах, и многие презрительно называли ее офицеров теоретиками. Прусская военная система, ориентированная на максимальную экономию средств, вызывала у представителей более богатых держав снисходительную усмешку. Хотя упомянутая выше военная реформа 1860 года значительно увеличила количество линейных полков, боеспособность прусских резервистов оставалась под вопросом.

С 1814 года в Пруссии существовала всеобщая воинская повинность, не допускавшая никаких исключений. Срок службы в середине 1860-х годов составлял три года. Правда, при наличии образования молодой человек мог выбрать иной путь — пойти добровольцем на один год, самостоятельно оплачивая все связанные с военной службой расходы. Как правило, эти добровольцы с годичным сроком службы становились затем офицерами резерва.

Система комплектования армии была территориальной. Пруссия была разделена на восемь корпусных округов, в каждом из которых размещался армейский корпус. С этой же территории он получал призывников, что серьезно упрощало процесс мобилизации. Единственным исключением был Гвардейский корпус, получавший призывников со всей страны. В каждом корпусе насчитывалось две дивизии, в дивизии — две бригады по два пехотных полка в каждой. Артиллерия делилась

на дивизионную (четыре батареи по шесть орудий в каждой) и резервную (корпусную). Кавалерия, опять же, входила в состав дивизий либо образовывала самостоятельные соединения. Последние, в соответствии с существовавшими тогда представлениями, должны были использоваться в качестве решающей ударной силы в крупных сражениях. Численность армии мирного времени составляла около 210 тысяч человек, после мобилизации она должна была вырасти до 450 тысяч солдат и офицеров.

В 1870-е годы, после блистательных побед прусской армии, в Европе вошло в моду петь ей дифирамбы: рациональная и качественная подготовка к условиям реальной войны, грамотные и прекрасно обученные солдаты, преданные своему делу офицеры, использующие каждую свободную минуту для саморазвития... Местами комментаторы сильно приукрашивали реальность, однако немалая доля истины в их словах все же была.

И прусские солдаты, и прусские офицеры действительно относились к своим обязанностям более чем серьезно. Рядовой и унтер-офицерский состав отличала высокая дисциплина и чувство долга. Военной подготовке солдат уделялось большое внимание. Пресловутая всеобщая грамотность, в которой многие впоследствии видели едва ли не главную причину прусских успехов, на деле принадлежала скорее к числу второстепенных факторов.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Прусский офицерский корпус был достаточно однородным в социальном отношении: туда могли попасть только представители имущих слоев населения, сдав специальный экзамен, подразумевавший наличие определенного уровня образования. Типичный для французской армии того времени путь из рядовых в офицеры был для Пруссии практически немыслим. Хотя в 1860-е годы прусский офицерский корпус уже примерно наполовину состоял из людей, не имевших приставки «фон» перед своей фамилией, по своему духу он был дворянским. Система ценностей включала в себя безусловную верность монарху и стране, готовность к самопожертвованию и выполнению своего долга до последней возможности.

Любопытно, что в то время как для нижних чинов добродетелью номер один считалась строгая дисциплина, в офицерском корпусе поощрялись самостоятельность и инициатива. Именно эту самостоятельность некоторые исследователи будут считать впоследствии основной причиной прусских побед. На деле у нее имелась и своя обратная сторона — командиры подразделений, считая, что им на месте виднее, нередко игнорировали распоряжения верховного командования и тем самым ломали его планы. Однако общий баланс, несомненно, был позитивным.

Стремление к интеллектуальному развитию было характерно отнюдь не для всех прусских офицеров — как и в любой армии, в прусской хватало

«лихих рубак», с презрением смотревших на «книжных червей». Однако обучение в Военной академии считалось очень престижным и способствовало быстрой карьере. В целом нужно сказать, что, хотя для кандидатов в офицерский корпус существовал определенный социальный ценз, после вступления в его ряды все оказывались в одинаковых условиях. Дальнейшая карьера зависела уже не от денег и титулов, а исключительно от выслуги лет и способностей офицера. Единственным значимым исключением из этого правила были представители правящих династий, хотя и им приходилось пройти все ступени карьерной лестницы.

Несколько подробнее стоит остановиться на том, чем была вооружена прусская армия. Наиболее печальная картина наблюдалась в артиллерии — война 1866 года застала последнюю в процессе перевооружения. Прусское руководство с большим опозданием начало переход на новые образцы, и более трети орудий составляли 12-фунтовые гладкоствольные пушки с дальностью стрельбы около полутора километров. Австрийским орудиям они уступали по всем параметрам. Иначе обстояли дела со стальными казнозарядными орудиями Круппа моделей С/61 и С/64, которые начали поступать в войска в начале 1860-х годов. Немалую роль в их принятии на вооружение сыграл тогдашний регент, а впоследствии король Пруссии Вильгельм I. По своим характеристикам они превосходили австрийские пушки. Однако не

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

все расчеты успели хорошо освоить новую материальную часть, к тому же репутация крупновских орудий была подмочена из-за нескольких случаев разрыва снарядов в стволе. К этому добавлялось то, что в соответствии с заведенным порядком артиллерия двигалась отнюдь не в первых рядах наступающих войск, и это зачастую не позволяло оперативно организовать артиллерийскую подготовку или даже поддержку пехоты.

Иначе обстояли дела с пехотным вооружением. Речь идет о системе, которую сделала знаменитой кампания 1866 года — так называемой игольчатой винтовке системы Дрейзе. Разработанная еще в 1830-е годы, она под индексом М/41 начала поступать на вооружение прусской армии в 1840-е. Изначально игольчатая винтовка считалась секретным оружием и была изготовлена в ограниченном количестве экземпляров. Однако в 1849 году она окончательно перестала быть тайной и получила свое боевое крещение. В последующие годы во многом благодаря усилиям все того же Вильгельма игольчатая винтовка стала стандартным оружием прусского пехотинца. В начале 1860-х годов на смену М/41 пришла несколько усовершенствованная версия М/62, не имевшая, впрочем, принципиальных отличий от исходного образца.

В чем же была изюминка игольчатой винтовки? В отличие от большинства нарезных систем, находившихся на вооружении европейских армий, винтовка Дрейзе была казнозарядной. В ней

отсутствовала система выброса гильзы, поэтому последняя изготавливалась из бумаги. Капсюль крепился на пыже прямо под пулей, и, чтобы воспламенить его, необходимо было сначала пробить находившийся в гильзе слой пороха. Именно для этого использовалась длинная игла на ударнике. Надежность системы оставляла желать лучшего: игла нередко ломалась, поэтому прусскому пехотинцу приходилось таскать с собой две запасные. Из-за проблем с герметичностью затвора падало давление пороховых газов, по дальности и точности стрельбы игольчатая винтовка существенно уступала австрийскому ружью системы Лоренца.

Главным козырем системы Дрейзе была ее скорострельность — в боевых условиях она составляла 3–5 выстрелов в минуту, что примерно втрое превосходило темп ведения огня из дульнозарядных винтовок. Кроме того, перезарядка могла осуществляться из любого положения, в том числе лежа. Впрочем, была ли скорострельность серьезным преимуществом? Сомнения в этом существовали даже в прусской армии. В других европейских государствах аналогичные системы испытывали, но принимать на вооружение не стали. Ключевым аргументом было то, что солдат со скорострельной винтовкой быстро истратит все патроны и в решающий момент сражения окажется практически безоружным. Насколько оправданными были эти опасения, могла показать лишь война. Пока что

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

пруссские офицеры обращали особое внимание на огневую дисциплину.

Оружие во многом определяло и тактику прусской пехоты. Наиболее выигрышным считалось сочетание тактической обороны, позволявшей использовать преимущества игольчатой винтовки, со стратегическим наступлением. Опыт кампании 1859 года поставил под вопрос эту схему, однако после долгих дискуссий в Пруссии не стали перенимать ударную тактику французов, оставив все по-старому. Наступление должно было осуществляться небольшими ротными колоннами, впереди которых россыпью двигались стрелки.

Еще одним чудо-оружием прусской армии стали впоследствии называть Большой генеральный штаб. Этот орган занимался вопросами подготовки будущих кампаний — от графиков мобилизации и железнодорожных перевозок до планов операций. Впрочем, важное значение он приобрел далеко не сразу: находясь в подчинении военного министерства, Большой генеральный штаб долгое время воспринимался как второстепенная организация, клуб ученых офицеров, не имевший большой практической значимости. В 1857 году его возглавил Гельмут фон Мольтке — человек, который впоследствии приобретет широчайшую известность во всем мире и будет рассматриваться как величайший полководец XIX века наряду с Наполеоном I. Он медленно, но верно расширял сферу полномочий Большого генерального штаба.

Важным этапом стала кампания против Дании 1864 года, в ходе которой Мольтке удалось проявить себя и доказать полезность возглавляемого им органа. Шеф Большого генерального штаба являлся с тех пор непременным участником всех коронных советов, посвященных предстоящей войне с Австрией. И все же, когда 2 июня увидел свет королевский приказ, назначавший Мольтке главным военным помощником монарха (и, таким образом, фактическим главнокомандующим), для многих в прусской армии это оказалось полной неожиданностью.

В Австрии тоже был генеральный штаб, однако сравнивать его полномочия с прусским не приходится — по той простой причине, что они никем и никогда не были четко очерчены. В целом он не сыграл важной роли ни в подготовке, ни в руководстве боевыми действиями в кампании 1866 года.

Мольтке давно готовился к войне с Австрией и составлял соответствующие планы. Хотя сам он был искренним сторонником тесного сотрудничества между Берлином и Веной, но понимал, что столкновение за гегемонию в Германии неизбежно. Рассматривая разные варианты, Мольтке сформулировал ключевые принципы, остававшиеся в целом неизменными: необходимо воспользоваться более высоким темпом прусской мобилизации, упредить противника в развертывании и начать наступление в Богемии. Эти же соображения легли в основу плана, разработанного в Большом

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

генеральном штабе зимой 1865/66 года. Мольтке предполагал, что австрийцы сконцентрируют свои силы в северной Богемии, чтобы начать наступление на Берлин. Прусская армия должна была сформировать три группировки: одна в Силезии и две между Дрезденом и Гёрлицем, уже в самом начале кампании оккупировав Саксонию. После этого совместным наступлением следовало разгромить противника на его территории.

Весной 1866 года казалось, что использовать преимущество в скорости мобилизации не получится. Первые военные приготовления начались еще в конце марта, однако затем Вильгельм I затормозил процесс, наотрез отказываясь начать мобилизацию прусской армии. Австрийцы, напротив, времени не теряли. За постепенным усилением группировки в Богемии последовала 26 апреля мобилизация трех корпусов на итальянской границе, а затем и общая мобилизация габсбургской армии. Мольтке бил во все колокола, заявляя, что промедление даже на несколько часов поставит под угрозу весь исход будущей кампании. В конце концов 3 мая мобилизация прусской армии началась. В середине месяца примеру Австрии и Пруссии последовали другие члены Германского союза — в столицах малых и средних государств понимали, что дело пахнет керосином.

Окончательный план развертывания обсуждался на коронном совете 25 мая в Берлине. Предложения Мольтке включали в себя два важных

момента, вызвавших горячие споры. Во-первых, несмотря на то что позиция малых и средних государств в назревавшем конфликте была очевидна, а их силы были достаточно внушительными (в общей сложности более 100 тысяч солдат и офицеров), шеф Большого генерального штаба требовал сосредоточить всю прусскую армию на границах с Австрией. Мольтке считал вполне достаточным направить против австрийских союзников одну дивизию, дополнив ее «сборной солянкой» из различных небольших подразделений и частей ландвера. Он прекрасно понимал, что судьба кампании будет решаться в Богемии и победа на основном театре военных действий мгновенно аннулирует все мыслимые неудачи на второстепенном. Кроме того, это решение позволяло добиться приблизительного численного паритета с австрийской армией.

Второе предложение Мольтке заключалось в том, чтобы максимально ускорить переброску войск, используя для этого все пять железнодорожных линий, которые вели к границе. В результате прусские корпуса неизбежно оказывались разбросаны на большом пространстве — фронт развертывания составлял более 400 км. Эти силы планировалось объединить в три армии — Эльбскую в районе Торгау, 1-ю в Лаузице и 2-ю в Силезии. После завершения сосредоточения они должны были начать концентрическое наступление в Богемии и соединиться уже на вражеской территории.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Эта идея вызвала вполне предсказуемую критику со стороны многих представителей прусской военной элиты. Распыление сил недопустимо, необходимо сосредоточить всю армию в Лаузице, чтобы прикрыть столицу — аргументировал генерал Войтс-Рец, ставший начальником штаба 1-й армии. Однако Мольтке был непреклонен: действовать нужно быстро и решительно, а риск не столь велик, как кажется на первый взгляд.

Предложенная — и в конечном счете реализованная — Мольтке схема в течение следующих полутора веков была объектом как безудержного восхищения, так и суровой критики. Одни называли ее гениальным планом, сделавшим прусскую победу неизбежной. Другие утверждали, что только по счастливой случайности все закончилось хорошо для пруссаков; будь во главе австрийской армии энергичный и талантливый полководец, он просто разгромил бы прусские группировки поодиночке. «Стратегической ошибкой» называл, к примеру, план Мольтке советский военный историк А. А. Строков.

Проблема заключалась в том, что, как уже говорилось выше, пруссакам нужно было не просто победить, а победить быстро. И предложенная Мольтке схема развертывания давала им такой шанс. Однако в руководстве прусской армии хватало людей, которые вообще слабо верили в конечный успех. К их числу принадлежал и сам король — когда один из придворных попросил Вильгельма I

взять его на театр военных действий, монарх мрачно ответил, что театр военных действий вскоре сам окажется в непосредственной близости от Берлина. Один из генерал-адъютантов Вильгельма I в эти же дни патетически воскликнул: «Во главе — король на семидесятом году жизни, рядом с ним — отживший свой век Мольтке. К чему это все приведет?!» Примечательно однако, что мрачные прогнозы не мешали прусским офицерам в дальнейшем сражаться с полной самоотдачей.

Транспортировка прусской армии по железной дороге началась еще 17 мая и завершилась к первым числам июня. В общей сложности было переброшено около 200 тысяч солдат, 55 тысяч лошадей, 5 тысяч транспортных средств. Фактически это было первым опытом столь массовых перевозок в столь сжатые сроки, и прусские железные дороги в общем и целом хорошо справились с поставленной задачей.

Сразу же начали приниматься меры для того, чтобы сократить фронт развертывания. Эльбская и 1-я армии двинулись на восток, в сторону Силезии. В это время поступила информация о том, что основные силы австрийцев находятся в Моравии. После этого 2-я армия была усилена, но одновременно сместилась на юго-восток, в сторону Верхней Силезии. Уже на этом этапе стали очевидны две проблемы: во-первых, в прусской главной квартире слабо представляли себе, где находится противник и что он делает. Во-вторых,

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

взаимодействие между тремя армиями оставляло желать много лучшего.

В середине июня в трех прусских армиях насчитывалось 254 тысячи солдат и офицеров при 796 орудиях. Эльбская армия под командованием генерала Герварта фон Биттенфельда дислоцировалась на северной границе Саксонии. В ее состав входили три пехотные дивизии из рейнских корпусов; численность составляла 46 тысяч солдат и офицеров при 144 орудиях. 1-й армией командовал племянник короля принц Фридрих Карл. В его подчинении находились II армейский корпус¹, четыре дивизии III и IV корпусов, а также кавалерийский корпус. Общая численность армии — 93 тысячи человек и 300 орудий, дислоцировалась она в районе Гёрлица. Наиболее сильной из всех являлась 2-я армия под командованием наследника престола, кронпринца Фридриха Вильгельма. В четырех ее корпусах (Гвардейский, I, V и VI) и отдельной кавалерийской дивизии насчитывалось в общей сложности 115 тысяч солдат и офицеров и 352 орудия.

Что же происходило в это время по другую сторону границы? Заранее составленного, продуманного плана кампании у австрийцев не имелось. Единственное, что было четко определено — деление

---

¹ По сложившейся традиции, во избежание путаницы прусские корпуса будут обозначаться римскими цифрами, австрийские — арабскими.

на Северную армию (7 корпусов), которой предстояло действовать против пруссаков, и Южную (3 корпуса), направленную против итальянцев. Таким образом, австрийцы, в отличие от своего основного противника, разделили силы, направив значительную их часть на сугубо второстепенный театр военных действий, победы на котором могли принести им разве что моральное удовлетворение.

Северная армия насчитывала в своих рядах 247 тысяч человек — несколько меньше, чем у пруссаков. Однако австрийцы могли более или менее уверенно рассчитывать на то, что после начала войны к ним присоединится 24-тысячная саксонская армия. Количество орудий было примерно таким же, что и у пруссаков — около 750. В итоге на основном театре военных действий силы противников оказались приблизительно одинаковыми.

12 мая командующим Северной армией был назначен фельдцейхмейстер² Бенедек. Это был полководец с прекрасной репутацией, отлично зарекомендовавший себя в ходе Итальянской войны 1859 года. У него, однако, имелось три недостатка. Во-первых, он практически не был знаком с северным театром военных действий. Во-вторых, отнесся к своему назначению без всякого энтузиазма и в целом смотрел на положение дел довольно мрачно. В-третьих, и это выяснилось уже в ходе

---

² Соответствует званию генерала пехоты или артиллерии.

кампании, Бенедек относился к той категории генералов, которые могли блестяще руководить дивизией или корпусом, но не способны были достойно выдержать груз куда более серьезной ответственности. Такими же свойствами отличались, к примеру, французский маршал Базен или, в несколько меньшей степени, прусский король Вильгельм I. Однако последнему повезло в том смысле, что рядом с ним был Мольтке, который действовал твердо, решительно и с полным сознанием собственной правоты.

Рядом с Бенедekom был совсем другой человек — генерал-майор Крисманич, глава оперативного отдела штаба Северной армии. Вообще-то, начальником штаба был фельдмаршал-лейтенант³ Хеникштейн, однако из-за личных разногласий командующий армией фактически игнорировал его. Именно Крисманич выполнял роль реального начальника штаба; его — опять же, задним числом — называли «злым гением» Северной армии. Действительно, глава оперативного отдела был человеком педантичным, не отличался творческим мышлением и считал наиболее релевантным опыт Семилетней войны, состоявшейся сто с лишним лет назад. Однако разработанный им план был в общем и целом не самым плохим: занять оборонительную позицию в Моравии, мимо которой пруссаки не смогут пройти. Эту стратегию можно

---

³ Соответствует званию генерал-лейтенанта.

справедливо упрекать в пассивности и передаче инициативы в руки противника, однако при должном исполнении она существенно снижала шансы прусской армии на быструю победу.

В Вене, однако, не были готовы просто так отдать Богемию в руки наступающему противнику. Мотивы при этом были не только военными, но и внутривполитическими — стратегическая оборона и уступка территории могла быть воспринята как слабость. В начале июня Бенедеку было отдано распоряжение двигаться на запад. Северная армия еще не завершила сосредоточение, поэтому австрийский командующий немного потянул время. Но прямой приказ императора заставил его в конечном счете 17 июня начать движение в район Йозефштадта — Кёнигинхофа на верхней Эльбе.

Прусская главная квартира тем временем оставалась в Берлине. Причина была проста: необходимо было контролировать происходящее не только на южном, но и на западном направлении. Помимо Италии, на стороне Пруссии выступили полтора десятка немецких государств: Ольденбург, оба Мекленбурга, Брауншвейг, несколько тюрингских княжеств, ганзейские города. Проблема, однако, заключалась в том, что ввиду невысокого военного потенциала они могли оказать своему союзнику в основном моральную поддержку. Все немецкие государства с более-менее значимыми армиями — королевства Саксония, Ганновер, Бавария

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

и Вюртемберг, великие герцогства Баден и Гессен — были на стороне австрийцев. Соответственно, ключевая задача пруссаков заключалась в том, чтобы не допустить соединения их сил, в первую очередь прорыва ганноверской армии на юг.

Прусская группировка на этом театре военных действий насчитывала около 50 тысяч человек. Ее ядром являлась 13-я пехотная дивизия. Проблема заключалась в том, что эти силы были разбросаны на большом пространстве. Второй проблемой стал командующий этой группировкой, генерал Фогель фон Фалькенштейн. Он умудрился наглядно продемонстрировать, что даже телеграф в качестве средства управления войсками совершенно бесполезен, если командир полон решимости игнорировать вышестоящие инстанции. Заставить Фогеля повиноваться приказам из Берлина оказалось почти неразрешимой задачей. В результате, несмотря на усилия Мольтке, у ганноверской армии были все шансы прорваться на юг. Ситуацию спасло отсутствие у ганноверцев действительно энергичного командующего, а также прусская импровизация — противника за неимением реальных сил задерживали переговорами и слухами. 27 июня в районе Лангензальцы прусская бригада Флиса (семь батальонов ландвера и пять батальонов гарнизонных войск) атаковала вдвое превосходящего противника — и потерпела поражение. Однако и на этот раз прорыв на юг не состоялся, а два дня спустя окруженная со всех

сторон 18-тысячная ганноверская армия капитулировала. Только после этого прусская главная квартира выдвинулась из Берлина в Богемию.

Ситуация в Италии тем временем развивалась достаточно предсказуемо. Итальянская армия вдвое превосходила противостоящие ей австрийские силы. Однако командование разделило ее на две половины, которые должны были действовать отдельно друг от друга. 24 июня у Кустоццы австрийская Южная армия под командованием эрцгерцога Альбрехта нанесла серьезное (хотя и не сокрушительное) поражение одной из этих группировок. После этого итальянцы отказались от любой дальнейшей активности, предпочитая с интересом наблюдать за происходящим в Богемии.

Именно здесь, на северном для Австрии и южном для Пруссии театре боевых действий решалась судьба всей войны. Первый ход сделали пруссаки. 16 июня Эльбская армия вступила в Саксонию. Саксонское командование в этой ситуации предпочло не геройствовать и приняло единственно разумное решение оставить страну и отходить на соединение с австрийцами. В районе Праги саксонцев поджидал 1-й австрийский корпус генерала Клам-Галласа. 22 июня 1-я и 2-я прусские армии получили приказ начать вторжение в Богемию.

Две прусские группировки (Эльбская армия уже 18 июня установила контакт с 1-й армией) должны были наступать навстречу друг другу в общем

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

направлении на Гичин⁴. Идея Мольтке заключалась в том, чтобы как можно быстрее сократить расстояние между войсками принца Фридриха Карла и кронпринца Фридриха Вильгельма и не дать противнику разгромить их поодиночке. Задача любой ценой объединить две армии не стояла; Мольтке понимал, что сосредоточить все прусские силы в одном месте значило лишить их подвижности и создать огромную проблему со снабжением. В приказе от 22 июня он специально подчеркивал, что движение на Гичин не является самоцелью и действия обеих группировок должны зависеть от ситуации и положения противника. Впоследствии многие будут утверждать, что гениальный Мольтке с самого начала рассчитывал взять австрийцев в клещи и нанести им сокрушительное поражение. Это неверно хотя бы потому, что в прусской главной квартире имели весьма смутное представление о местонахождении и действиях Северной армии.

В кампании 1866 года разведка в принципе была ахиллесовой пятой прусской армии. Поскольку кавалерию заботливо берегли для крупного сражения, основные ее силы тащились в хвосте колонн. В результате прусские группировки продвигались вперед на ощупь, как человек с завязанными глазами. Столкновение с противником

---

⁴ В соответствии со сложившейся традицией здесь и далее приводятся те названия населенных пунктов, которые официально использовались во время рассматриваемых событий.

практически всякий раз оказывалось для них сюрпризом (а порой таким сюрпризом становилось отсутствие австрийцев там, где их предполагали встретить).

Это само по себе было большой проблемой. Но было кое-что и похуже: взаимодействие в треугольнике прусская главная квартира — штаб 1-й армии — штаб 2-й армии в последних числах июня оказалось весьма несовершенным. В результате две прусские группировки в первую неделю активных боевых действий фактически воевали сами по себе. Это создавало опасную ситуацию, которая усугублялась действиями командования 1-й армии. Принц Фридрих Карл был солдатом до мозга костей, пользовался в армии огромным авторитетом и приложил в свое время немало сил для того, чтобы усовершенствовать тактику прусской пехоты. Однако в роли военачальника он оказался человеком медлительным и осторожным (впоследствии его будут за глаза сравнивать со знаменитым римским полководцем Фабием Кунктатором). Требовались постоянные понукания из главной квартиры, чтобы заставить его двигаться побыстрее, и даже они помогали далеко не всегда.

В отличие от пруссаков, австрийская Северная армия располагала таким важным преимуществом, как единство командования. Когда пруссаки готовились пересечь границу Богемии, австрийцы тремя колоннами ползли на северо-запад, в сторону

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

все того же Гичина. Система снабжения Северной армии хромала на обе ноги, что не способствовало улучшению боеспособности ее корпусов. Кроме того, Бенедек тоже не мог похвастать доскональным знанием противника. Он был в курсе, что пруссаки разделили свои силы на две группировки, но считал 2-ю армию сугубо вспомогательной и значительно меньшей по численности, а 1-ю — основной. Именно с ней он планировал вступить в бой.

26 июня армия принца Фридриха Карла, до сих пор не встречавшая серьезного сопротивления, двигалась по территории Богемии к реке Изер. Саксонцы и 1-й австрийский корпус медленно отступали на соединение с главными силами Северной армии. Ситуация изменилась во второй половине дня, когда Клам-Галлас получил от Бенедека категорический приказ любой ценой удерживать линию Изера. Это привело к первым серьезным столкновениям между силами 1-й и Эльбской армий и австрийскими войсками.

Авангард Эльбской армии австрийцы попытались задержать у Хюнервассера. Стычка была небольшой — с каждой стороны в ней приняло участие лишь по несколько пехотных рот. Весьма примечательным, однако, стало соотношение потерь: пруссаки потеряли убитыми и ранеными около 50 человек, австрийцы — более 200 (и еще более 50 солдат пленными). Этот первый успех игольчатой винтовки стал зловещим предзнаменованием для габсбургской армии.

Вечером того же дня на фронте 1-й армии развернулись более масштабные боевые действия, получившие название сражения при Подоле. Наступавшие пруссаки столкнулись с австрийцами, пытавшимися занять оборону на Изере. Бой продолжался до рассвета и закончился прусской победой. Соотношение потерь оказалось еще более впечатляющим, чем при Хюнервассере: 130 убитых и раненых с прусской стороны и почти 600 с австрийской (к ним нужно добавить еще около 500 пленных). 27 июня части 1-й армии начали переправляться через Изер у Подола и Турнау.

Клам-Галлас, однако, не собирался отступать без еще одного боя. Австрийцы и саксонцы заняли сильную позицию в районе Мюнхенгреца. 28 июня они были атакованы здесь частями 1-й и Эльбской армий. Пруссакам достаточно быстро удалось обойти правый фланг австрийцев, вынудив последних к отходу. Прусские потери убитыми и ранеными составили около 350 солдат и офицеров, австрийские — примерно в два раза больше. Стоит отметить количество австрийских пленных — около полутора тысяч человек!

Большое количество сдавшихся в плен австрийских солдат являлось отличительной чертой практически всех более или менее крупных боевых столкновений в кампании 1866 года. Оно демонстрирует, насколько невысоким был боевой дух во многих подразделениях габсбургской армии — особенно после того, как прусские игольчатые

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

винтовки продемонстрировали свою огневую мощь. В первую очередь солдаты с национальных окраин Австрийской империи не горели желанием умирать ради каких-то совершенно чуждых им политических игр. Как вспоминали участники событий с прусской стороны, сдавшиеся в плен целым подразделением выходцы из итальянских провинций монархии Габсбургов даже изъявили желание сражаться против австрийцев. Пруссаки, однако, с негодованием отвергли это предложение.

Несмотря на одержанную победу, преследование отходящего противника организовано толком не было. Австрийцы и саксонцы отступили в полном порядке. Фридрих Карл по-прежнему действовал очень осторожно, опасаясь неожиданно столкнуться с главными силами Северной армии. Это беспокоило шефа Большого генерального штаба: возникала опасность, что две прусские группировки не смогут прийти друг другу на помощь в критической ситуации. Как писал впоследствии Шлиффен в своей обычной язвительной манере, «рано утром 29 июня Мольтке потребовал, чтобы 1-я армия оставила в покое рожденного ее фантазией противника и без промедления шла на поддержку 2-й армии». В штабе принца Фридриха Карла планировали дать войскам 29 июня день отдыха, однако приказ из главной квартиры заставил изменить планы. Прусские дивизии двинулись на восток.

Во второй половине дня в районе Гичина разгорелось еще одно сражение между

австро-саксонской группировкой и передовыми частями 1-й армии. Оно продолжалось до глубокой ночи. Австрийское командование в разгар боя получило приказ Бенедекта отходить на Эльбу, однако мгновенно прервать сражение и оторваться от противника оказалось невозможным. Прусские потери составили около полутора тысяч человек, австро-саксонские превысили пять тысяч солдат и офицеров.

Тем временем на фронте 2-й прусской армии происходили куда более драматические события. Вечером 26 июня, когда авангарды Фридриха Карла неспешно подходили к Изеру, передовые части Северной армии уже пересекли Эльбу и фактически оказались между 2-й армией и Гичином. Австрийские корпуса находились совсем недалеко от горных перевалов, через которые должны были наступать дивизии кронпринца. Бенедект знал о присутствии противника, и это ставило перед ним сложный вопрос. Следует ли продолжать намеченное наступление к Изеру или обрушиться всеми силами на 2-ю армию, а уж потом разобраться с Фридрихом Карлом? В штабе Северной армии по-прежнему не знали, насколько крупные силы противника наступают из Силезии. В конечном счете Бенедект отдал приказ правофланговым 6-му и 10-му корпусам прикрыть горные перевалы и не допустить выхода пруссаков во фланг Северной армии.

Части 2-й армии двигались через Судеты тремя маршрутами: I армейский корпус на правом

фланге через Траутенау, Гвардейский корпус в центре — через Эйпель, V армейский корпус на левом фланге — через Наход. Именно части последнего из них столкнулись рано утром 27 июня с подразделениями 6-го австрийского корпуса генерала Рамминга. Встреча оказалось неожиданной для обеих сторон. Прусский авангард занял оборону и стойко отражал австрийские атаки, пока не оказался охвачен противником с двух сторон. Однако направленные командиром V корпуса генералом Штейнмецем подкрепления смогли восстановить положение. Пруссаки, нанося противнику большие потери, перешли в контратаку и отбросили австрийцев. Огонь игольчатых винтовок буквально выкашивал плотные колонны атакующего врага; Шлиффен метко назвал происходящее «боем мишени против стрелка». Потери пруссаков составили немногим более тысячи солдат и офицеров; австрийцы потеряли около пяти тысяч человек убитыми и ранеными и более двух тысяч пленными. Успех был, конечно, мгновенно разрекламирован прусской пропагандой; Штейнмец получил за этот бой почетное прозвище «Находского льва».

Иначе складывалась в эти часы ситуация у Траутенау. Здесь I корпус генерала Бонина столь же неожиданно наткнулся на части 10-го австрийского корпуса. Пруссаки смогли отбросить авангард противника, однако ничего не сделали для того, чтобы закрепить за собой ключевые позиции на поле боя. Расплата не заставила себя долго ждать — удар

основной массы австрийцев отразить не удалось, части I корпуса были вынуждены отступать. Сражение при Траутенау стало единственным серьезным поражением пруссаков за всю кампанию. Однако примечателен даже не этот факт, а то, какой ценой австрийцам досталась победа. Их потери составили около пяти тысяч человек, прусские — менее полутора тысяч. Цена успеха была слишком велика; Северная армия рисковала просто истечь кровью.

Известия о сражениях при Находе и Траутенау вызвали некоторое замешательство в штабе Северной армии. Изначально Бенедек собирался направить против пруссаков на своем правом фланге еще два корпуса, однако затем решил, что имеющихся сил вполне хватит. Он по-прежнему считал, что имеет дело лишь с небольшой прусской группировкой. В штабе кронпринца тем временем не дремали; гвардейцам было приказано повернуть в сторону Траутенау и расчистить наконец путь Бонину и его солдатам. На следующий день части Гвардейского корпуса атаковали 10-й корпус генерала Габленца в районе Соора и Буркерсдорфа к югу от Траутенау. Уже потрепанные накануне австрийцы были разгромлены, потеряв более четырех тысяч человек. Потери гвардейцев оказались в пять раз меньше.

В этот же день V корпус пруссаков продолжал двигаться на запад, в направлении Скалица. Штейнмец не знал, что здесь на подготовленных позициях его готовы встретить части трех австрийских

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

корпусов — 4-го, 6-го и 8-го. Развернутая на высотах австрийская артиллерия полностью простреливала местность, по которой предстояло наступать пруссакам. Однако утром в Скалице появились Бенедек и Крисманич. Осмотрев позиции, австрийский командующий решил, что они хорошо подходят для обороны, но плохо — для перехода в контратаку. Кроме того, Бенедек был уверен, что пруссаки измотаны вчерашним сражением и не смогут атаковать. В этой ситуации оставлять на позициях целых три корпуса означало бы попусту тратить время. Командующий Северной армии отдал приказ двигаться на запад, навстречу главным силам противника.

Проблема, однако, заключалась в том, что Штейнмец вовсе не собирался почивать на лаврах. Ближе к полудню пруссаки подошли к позициям 8-го австрийского корпуса. С австрийской стороны последовала серия нескоординированных атак, завершившихся катастрофическими потерями. Так, в течение часа одна из бригад лишилась половины своего состава (три тысячи человек из шести). Особенно серьезными оказались потери в офицерах. Плотный огонь игольчатых винтовок по-прежнему оказывал убийственное воздействие на противника.

Но еще более убийственными стали решения, принятые Бенедekom. Услышав шум боя, австрийский командующий строго запретил частям других корпусов идти на выручку товарищам, заявив,

что у них есть более важные дела. 8-му корпусу он приказал прервать сражение и двигаться на запад. Сделать это должным образом в условиях продолжавшегося боя не удалось, и отход австрийцев превратился в беспорядочное бегство. Потери пруссаков составляли менее полутора тысяч солдат и офицеров, их противника — около пяти с половиной тысяч.

Только к концу дня 28 июня Бенедек начал понимать, что в действительности происходит, насколько сильна армия кронпринца и как малы шансы разгромить Фридриха Карла, не получив при этом сокрушительный удар во фланг и тыл. Командующий Северной армии принял спонтанное решение сосредоточить все свои силы против 2-й прусской армии. Корпусам были отправлены приказы занять позиции на линии Кёнигинхоф — Йозефштадт. Как известно, Клам-Галлас и саксонцы только вечером следующего дня узнали, что не дождутся подкреплений, а должны, напротив, как можно скорее двигаться на соединение с основными силами австрийцев. Сражение при Гичине было для них бессмысленной тратой времени и сил.

1-ю и 2-ю прусские армии разделяло к тому моменту не более 50 километров. Надежда разгромить одну, не опасаясь вмешательства другой, растаяла окончательно. Фактически к тому моменту можно было сказать, что кампания уже была проиграна австрийцами. Естественно, здесь

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

нужно оговориться, что такие выводы смог бы сделать только человек, владевший всей полнотой информации. Участникам событий, двигавшимся в «тумане войны», все было далеко не так очевидно.

Итак, Бенедек не использовал свое единственное преимущество — возможность сосредоточить все силы против части прусской армии. В сражениях 26–29 июня не участвовала почти половина имевшихся в его распоряжении подразделений, в то время как другая половина терпела поражение за поражением. К вечеру 29 июня пять из восьми корпусов Северной армии (считая саксонцев) были серьезно потрепаны.

Впрочем, стоит ли судить Бенедека слишком строго? Не располагая точной информацией о противнике, он, как и пруссаки, был вынужден действовать во многом наугад. Будучи опытным командиром, Бенедек прекрасно понимал, как опасны могут быть постоянные метания. В конечном счете никто иной как прославленный Мольтке любил повторять, что два хороших плана — это гораздо хуже, чем один плохой. Австрийский командующий старался действовать в соответствии с единым планом, не позволяя сбить себя с пути, и слишком поздно понял, что исходные данные уже устарели, вернее, были изначально неверными.

В течение дня 29 июня ситуация для австрийцев все больше прояснялась. Битва при Гичине показала, что 1-я прусская армия уже близко. В этот же день части 2-й прусской армии отбросили

австрийцев у Кёнигинхофа и Швейншеделя. Масштабы этих боев были не слишком впечатляющими — потери сторон исчислялись сотнями, а не тысячами, — однако они наглядно продемонстрировали необходимость поиска нового решения. Вечером 30 июня Бенедек отдал приказ об отходе на новую позицию, к северо-западу от крепости Кёниггрец. 1 июля австрийская армия выполнила этот отход без существенных помех со стороны противника. В результате она достаточно сильно отдалась от 2-й прусской армии и сблизилась с 1-й.

Командующий Северной армией был настроен в высшей степени пессимистично. 1 июля он отправил в Вену донесение следующего содержания: «Умоляю Ваше Величество заключить мир на каких бы то ни было условиях; катастрофа для армии неминуема». Из Вены пришел отрицательный ответ с весьма прозрачным намеком: нужно сначала дать противнику генеральное сражение, а уж потом говорить о завершении войны. Бенедеку ничего не оставалось, кроме как готовиться к бою.

Таким образом, вопрос о победе в войне можно было считать решенным. Только чудо могло переломить ход кампании в пользу австрийцев, однако в реальной жизни чудеса случаются весьма редко. Можно спорить о том, насколько высоки были шансы габсбургской армии в начале кампании; безусловно, австрийцы могли бы при более адекватной стратегии нанести противнику

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

ряд чувствительных ударов, однако превосходство прусской пехоты делало убедительную победу Бенедекта практически немыслимой. Впрочем, трезво рассуждая, австрийцам и не нужна была убедительная победа: достаточно было затянуть кампанию, добиться патовой ситуации на театре боевых действий — и политический исход войны мог оказаться совершенно иным. Однако в первый день июля говорить об этом было уже поздно.

Впрочем, и сейчас для монархии Габсбургов еще не все было потеряно. Шансов выиграть войну уже не имелось. Однако от предстоящего генерального сражения зависело, как быстро и какой ценой пруссаки одержат победу. А это, в свою очередь, могло оказать большое влияние на послевоенное урегулирование.

Глава 4

Кульминация

1 июля прусская главная квартира прибыла на театр военных действий, в Гичин. Это позволило Мольтке взять происходящее под свой непосредственный контроль. По поводу местонахождения и намерений противника никакой ясности по-прежнему не было. Высказывалось предположение, что Бенедек отступает в направлении Ольмюца. Затем появилась информация о том, что австрийцы, скорее всего, займут позиции за Эльбой между Кёниггрецем и Йозефштадтом. Поэтому Мольтке предпочитал сохранять дистанцию между 1-й и 2-й армиями — так им было легче наступать широким фронтом и при необходимости обойти частью сил фланг противника.

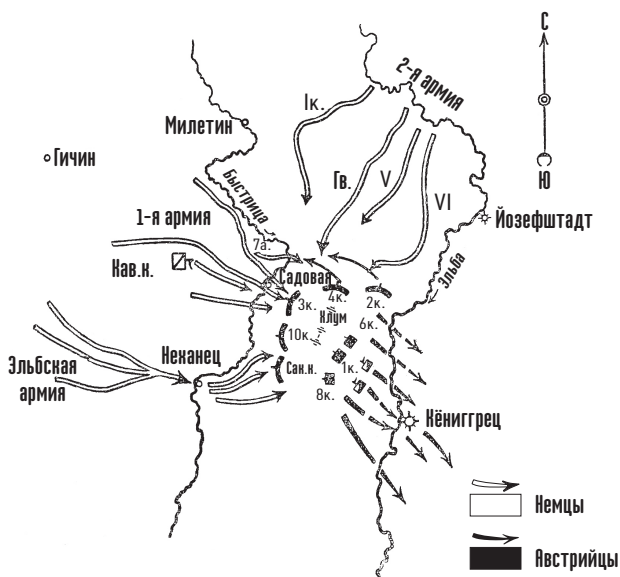
2 июля прусское командование предоставило войскам отдых. 2-я армия должна была пока оставаться на левом, восточном берегу Эльбы — на случай, если бы противник продолжил отступление. Однако в течение дня в штаб-квартиру 1-й армии начали поступать известия о том, что крупные силы австрийцев по-прежнему находятся на правом

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

берегу, позади речки Бистрица. По приказу командования майор фон Унгер с группой кавалеристов во второй половине дня провел разведку предполагаемых позиций противника. Несмотря на стычку с австрийской кавалерией, группа Унгера смогла многое увидеть и даже взять двух пленных. Они подтвердили: за Бистрицей находится крупная группировка Северной армии.

Фридрих Карл оценивал противостоящие ему силы примерно в три армейских корпуса. В связи с этим началась лихорадочная подготовка к атаке, которая должна была начаться на следующее утро. В главной квартире в Гичине одобрили принятые меры и приказали частям 2-й армии двигаться на юг по западному берегу Эльбы, нанося удар во фланг австрийцам. Прусское командование опасалось, что противник занял промежуточную позицию и вскоре продолжит свой отход. Этого нельзя было допустить ни в коем случае. Соответственно, дивизии Фридриха Карла должны были любой ценой сковать австрийцев на Бистрице боем, не дожидаясь подхода частей Эльбской и 2-й армий.

Если бы все пошло по плану, появлялась возможность концентрическим наступлением уничтожить австрийскую группировку: пока дивизии Фридриха Карла связывают боем противника по фронту, Эльбская армия наносит удар по его левому флангу, а 2-я — по правому. В идеале основные силы австрийцев попадали в окружение.

Общая схема сражения при Кёниггреце

Неизвестно, планировал ли Мольтке с самого начала устроить Бенедекку «Канны», однако не подлежит сомнению, что он ясно увидел шанс нанести решающее поражение главным силам противника.

Тем временем австрийцы, со своей стороны, готовились к бою. Крисманич 2 июля старательно разрабатывал диспозицию. Он предложил разместить шесть корпусов в первой линии и два в резерве. Опираясь на сильную позицию за Бистрицей, с которой австрийская артиллерия

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

могла действовать максимально эффективно, австрийское командование собиралось дожидаться прусской атаки, обескровить противника, а затем контрударом отбросить его. Накануне сражения, однако, поступил приказ о смещении Крисманича; на его место был назначен генерал-майор Баумгартен. Крисманич остался при штабе Бенедек; командующий Северной армией справедливо рассудил, что устраивать смену лошадей на переправе, то есть накануне крупного сражения, — решение далеко не лучшее. Сам Бенедек практически весь день 2 июля провел в седле, объезжая свои войска и стараясь вдохнуть в них уверенность и твердость. В значительной степени это ему удалось.

Условия местности были в целом благоприятными для обороны: на восточном берегу Бистрицы находилась цепочка господствующих высот, занятых австрийцами. Между рекой и высотами располагались несколько небольших лесных массивов. Своеобразной осью австрийской позиции была большая дорога Гичин — Кёниггрец, проходившая через деревни Садова и Липа. По обе стороны от нее находились части 3-го и 10-го корпусов. Генеральный инспектор австрийской артиллерии эрцгерцог Вильгельм тщательно обследовал местность перед сражением и разместил батареи таким образом, чтобы они могли простреливать долину Бистрицы максимально эффективно. На возможных направлениях главного удара противника спешно создавались полевые укрепления. Казалось,

Бенедек может не беспокоиться за ключевую часть своих позиций, и настроение командующего Северной армией постепенно улучшалось. Потерянный в последних числах июня оптимизм по крайней мере частично вернулся к нему.

Левый фланг Северной армии занимал позиции на Бистрице у Неханица. Ключевую роль здесь должны были играть саксонцы при поддержке 8-го корпуса. Командующий саксонской армией кронпринц Альберт предпочел, однако, отвести свои части немного назад, к высотам у Проблуса. Бенедек полностью одобрил этот шаг. Фактически саксонский кронпринц играл роль командующего левым флангом Северной армии, хотя формально 8-й корпус не был передан ему в подчинение.

Правый фланг австрийской армии между расположенной на высоте деревушкой Хлум и Эльбой прикрывали 2-й и 4-й корпуса. Проблема заключалась в том, что австрийцы располагались на этом участке позади господствующих высот, на которых находились деревушки Масловед и Зендражиц. Однако Бенедек был уверен, что части 2-й прусской армии находятся еще слишком далеко. Эту уверенность не разделял командир 4-го корпуса фельдмаршал-лейтенант Фестетикс. Он считал, что назначенные его частям позиции исключительно неудачны, и выдвинул свой правый фланг к Масловеду, чуть восточнее леса Свиб. В результате фронт корпуса оказался обращен не на север, а на северо-запад.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

1-й и 6-й корпуса вместе с кавалерией и значительной частью артиллерии оставались в резерве. Их планировалось использовать либо для того, чтобы укрепить оборону на опасном участке, либо для контрудара — шанс, на который надеялись в австрийской главной квартире.

Общая численность Северной армии составляла на тот момент около 210 тысяч человек и 650 орудий. Несмотря на то что половина ее корпусов была серьезно потрепана в июньских боях, она все еще представляла собой весьма внушительную силу. Сомневаться в боеспособности большинства ее подразделений не приходилось. В тылу позиции находилась крепость Кёниггрец, которая хотя и не являлась мощной твердыней, все же могла существенно облегчить отступление, если бы таковое понадобилось. На этот же случай Бенедек приказал навести через Эльбу несколько временных мостов, чтобы избежать давки на переправе (предосторожность, оказавшаяся впоследствии отнюдь не лишней).

Три прусских армии имели некоторое численное превосходство над противником: в 1-й армии насчитывалось 85 тысяч солдат и офицеров, в Эльбской — около 40 тысяч, во 2-й — почти 100 тысяч. Во всех трех армиях имелось более 700 орудий. Проблема заключалась в том, что непосредственно атаковать Бенедека ранним утром 3 июля могли только шесть пехотных дивизий Фридриха Карла. При этом две из них — 5-ю и 6-ю — прусское командование мудро решило оставить в резерве.

В конце концов, никто не знал, когда на поле боя появятся части 2-й армии. В таких условиях иметь под рукой свежие подразделения на случай возможных неожиданностей (к примеру, австрийской контратаки) было жизненной необходимостью.

День 3 июля выдался пасмурным и дождливым. Прусские пехотинцы, практически не спавшие ночью и в большинстве своем ничего не евшие со вчерашнего дня, двигались к Бистрице. Никакого воодушевления в их рядах не ощущалось. Четыре дивизии 1-й армии наступали на юго-восток вдоль дороги Гичин — Кёниггрец: 7-я и 8-я — слева, 3-я и 4-я — справа от нее. Их путь вел прямо к сильному центру австрийской позиции. Принц Фридрих Карл, наблюдая за своими солдатами, колебался: следует ли прямо сейчас бросить их в атаку? Вперед к Бистрице были направлены несколько эскадронов кавалерии и батарей конной артиллерии. Здесь их встретил огонь австрийской артиллерии. В половине восьмого утра раздались первые выстрелы — сражение при Кёниггреце началось.

Несколько минут спустя на высоту у деревушки Дуб рядом с дорогой Гичин — Кёниггрец прибыл прусский король вместе со своей свитой, Мольтке и Бисмарком. Шеф Большого генерального штаба немедленно отдал приказ атаковать противника. Бисмарк осведомился, знает ли Мольтке о том, какие силы австрийцев находятся на том берегу Бистрицы. Как минимум три корпуса, возможно, вся Северная армия — таким был ответ. Отдавая

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

распоряжения, Мольтке исходил из второго варианта и, как вскоре выяснилось, был совершенно прав. Он понимал, что части 1-й армии понесут значительные потери, но они должны были выиграть время, притянуть к себе как можно больше австрийских подразделений и тем самым облегчить задачу Эльбской и 2-й армий, которые и должны были решить исход сражения. Это совершенно не совпадало с планами принца Фридриха Карла, который хотел отложить атаку до подхода соседних армий и сыграть в сражении решающую роль, мощным ударом прорвав центр противника. Однако в данном случае ему пришлось подчиниться.

В половине девятого утра атака началась. Под огнем противника прусская пехота пересекла Бистрицу и заняла небольшие деревушки, находившиеся в долине реки — Садову, Догалиц и Мокровус. Атакующие батальоны поддерживала прусская артиллерия. Австрийцы некоторое время сдерживали противника на рубеже Бистрицы, после чего в соответствии с планом в полном порядке отошли в направлении высот — к главной линии обороны. Деревни горели, долину Бистрицы заволкло дымом от выстрелов.

К десяти часам утра пруссаки окончательно овладели восточным берегом Бистрицы. Перед солдатами 3-й дивизии, наступавшей справа, оказалась совершенно открытая местность, поднимавшаяся к высотам у деревни Лангенхоф, перед которыми стояли австрийские батареи. Между

Липой и Лангенхофом 3-й и 10-й австрийские корпуса разместили в общей сложности около полутора сотен орудий, и их непрерывный огонь делал любое дальнейшее наступление чистым самоубийством. Солдаты 3-й пехотной дивизии были вынуждены остановиться; их командир генерал Вердер приказал по возможности укрыться от губительного огня и ждать, когда представится возможность атаковать вражеские батареи с фланга.

На пути соседней 4-й дивизии оказался не-большой массив деревьев — лес Хола. Под его прикрытием прусские пехотинцы продвигались к югу от главной дороги в направлении Липы. Впрочем, лес давал лишь весьма относительную защиту от вражеской артиллерии: снаряды в щепки разносили стволы деревьев, нанося наступающим дополнительные потери. Дома небольшой деревушки, расположенной на опушке леса, тоже не являлись надежным укрытием: австрийские снаряды проби-вали их глинобитные стены, как картон. Прусская артиллерия не могла эффективно поддерживать свою пехоту с другого берега Бистрицы. Батареи, которые удавалось переправить через реку, быстро оказывались подавлены или оставались без снарядов. В бой за лес Хола оказались втянуты и части 8-й дивизии, наступавшей по главной доро-ге через Садову.

Прусским солдатам нужно было держаться в лесу. Продолжать атаку по открытой местности они не могли. Потери росли с каждой минутой, но

поделаться с этим что-либо было невозможно — ситуация, испытывавшая на прочность нервы солдат. Не у всех они выдерживали — особенно в тех подразделениях, где потери в офицерах и унтер-офицерах были особенно велики. Легенда о «самостоятельном и думающем» немецком солдате имеет под собой применительно к той эпохе весьма непрочные основания — оставшись без командиров, прусские рядовые нередко оказывались в растерянности. В лесу, где о присутствии соседей можно было только догадываться, этот эффект проявлялся особенно ярко. Ближе к полудню некоторые обескровленные роты начали отступать к Бистрице. Это вызвало настоящую вспышку гнева у Вильгельма I, который тем временем вместе со своей свитой перебрался на возвышенность Роскосберг рядом с Садовой. Поскакав навстречу отступавшим, прусский король потребовал от них вернуться в бой: «Сражайтесь же, как подобает храбрым пруссакам!» Даже принц Фридрих Карл, в общем и целом не отличавшийся особой мягкосердечностью, указал монарху на то, что подразделения обескровлены, многие солдаты ранены и пора сменить их свежими силами. Однако час резервов еще не пробил.

Самые драматические события разыгрывались к северу от большой дороги. Здесь 7-я дивизия пруссаков под командованием генерала Франзеки, преодолев рубеж Бистрицы, вошла в лес Свиб. Это был достаточно обширный (1,8 на 1,1 километра) и густой лесной массив, занятый одной

австрийской бригадой 4-го корпуса. Пруссаки без особого труда выбили австрийцев из леса и захватили расположенную чуть южнее деревушку Чистовес. Однако командир 4-го корпуса генерал Фестетикс не собирался мириться с таким положением дел. В половине десятого он приказал своим частям готовиться к контратаке. На высоте у деревни Масловед к востоку от леса было развернуто 80 австрийских орудий. Пруссаки тем временем тоже подтянули артиллерию. Фестетикс получил ранение, и 4-й корпус возглавил фельдмаршал-лейтенант Моллилари. Он не только продолжил энергично готовить контрудар, но и запросил поддержку у своего соседа справа, командира 2-го корпуса графа Туна.

Последний ответил согласием — отразить прусскую атаку казалось ему более правильным решением, чем пребывать в бездеятельности на крайнем правом фланге австрийской позиции. Этот выбор вскоре дорого обошелся австрийской армии. В свою очередь Бенедек, узнав о принятых командирами корпусов решениях, не стал их отменять. Вместо этого он приказал 6-му корпусу занять позиции между Хлумом и Неделиштом (деревней, расположенной к востоку от Хлума на полпути к Эльбе). Впрочем, приказ был практически сразу же отменен. Бенедек рассудил, что отправлять на позиции половину резервной группировки еще рано.

Несмотря на то что левый фланг 7-й прусской дивизии был открыт, австрийцы предпочли

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

атаковать лесной массив в лоб, плотными колоннами, не считаясь с потерями. К этому моменту прусские подразделения в густом лесу основательно перемешались, что делало централизованное руководство боем совершенно невозможным. Первые атаки австрийцев удалось отбить, однако затем бригада Пёкха смогла ворваться в лес и оттеснить пруссаков до его противоположной опушки. Сам Франзеки едва не попал в плен. В процессе игольчатые винтовки собирали свою страшную жатву: командир бригады и все старшие офицеры погибли, менее половины из 4 тысяч австрийских солдат смогли вернуться из атаки.

Но и 7-я дивизия понесла серьезные потери. Генерал Франзеки около 11 часов прозрачно намекнул прибывшему к нему адъютанту короля, что подкрепления ему отнюдь бы не помешали. Австрийцы к этому моменту уже контролировали большую часть леса Свиб. Реакция Мольтке была однозначной: «Я решительно возражаю против того, чтобы Ваше Величество направляли на помощь генералу Франзеки даже одного пехотинца. Только кронпринц может помочь генералу, и пока его войска не появились, мы должны быть готовы к австрийской атаке. Пока у нас есть III армейский корпус, мы отразим ее». Вильгельму I оставалось лишь согласиться с разумностью этого довода. Солдаты 7-й дивизии продолжали приковывать к себе превосходящие силы противника. На помощь им

с запада подошли части 8-й дивизии, однако это принесло лишь временное облегчение.

В свою очередь, к Моллилари прибыли части 2-го корпуса. Две бригады были немедленно брошены в бой и вновь почти сумели вытеснить пруссаков из леса Свиб. 19 обескровленных прусских батальонов вынуждены были выдерживать натиск полусотни австрийских. Лесной бой развивался хаотично, централизованное управление отсутствовало с обеих сторон. У пруссаков заканчивались патроны, и к полудню их силы начали иссякать. Фразеки заклинал своих солдат держаться; когда к нему прискакал офицер из 2-й армии с новостью о том, что помощь уже близка, командир 7-й пехотной дивизии ответил: «В школе нас учили: вот бы пришла либо ночь, либо Блюхер⁵. Мы тут не Веллингтоны, но чувства у нас примерно те же».

На Роскосберге напряжение тоже росло. Как уже говорилось выше, прусский король не отличался выдержкой в критических ситуациях. Впоследствии рассказывали, что он причитал, обращаясь к шефу Большого генерального штаба: «Мольтке, мы проигрываем сражение!» — «Ваше величество выиграют сегодня не только битву, но и всю кампанию», — хладнокровно ответил полководец.

---

⁵ Фраза командующего английской армией герцога Веллингтона, произнесенная им в критический момент сражения при Ватерлоо. Вскоре на поле боя подошли прусские части под командованием Блюхера, решившие исход битвы.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Олимпийское спокойствие Мольтке запомнилось всем, кто в тот момент присутствовал рядом с ним. Бисмарк рассказывал, что, желая проверить шефа Большого генерального штаба, протянул ему портсигар, в котором оставались две сигары. Мольтке хладнокровно выбрал лучшую из них, что значительно успокоило главу правительства: генерал явно действовал сознательно и владел ситуацией. Между тем к полудню дело выглядело явно не лучшим образом: четыре прусские дивизии на переднем крае медленно, но верно истекали кровью. Преимущество игольчатых винтовок было в значительной степени сведено на нет артиллерией: к востоку от Бистрицы находилось лишь около сорока прусских орудий, которым противостояло больше двух сотен австрийских пушек.

В этих условиях Мольтке не удалось предотвратить самоуправства Фридриха Карла, приказавшего 6-й пехотной дивизии двинуться вперед и переправиться через Бистрицу. Смысла в этом не было ровным счетом никакого, и дивизия точно так же застряла перед австрийскими позициями, неся потери и не оказывая влияния на ход сражения. Вторым решением «красного принца», возмутившим Мольтке, была отправка 1-й кавалерийской дивизии на помощь Герварту. Произошло это во многом из-за путаницы с донесениями, практически неизбежной в условиях большого сражения. В результате, однако, прусский кавалерийский корпус, который так долго берегли для решающего

момента, оказался расколот на две части в то самое время, когда его предстояло бросить на чашу весов. 1-я кавалерийская дивизия так и не смогла сыграть какую-либо роль в сражении при Кёниггреце.

На правом прусском фланге тем временем никаких решающих результатов тоже достигнуто не было. Три дивизии Эльбской армии сражались на значительном удалении от своих товарищей, и поэтому можно сказать, что они вели в утренние часы свой самостоятельный бой. Приказ наступать на деревню Неханиц, где находился мост через Бистрицу, был получен Гервартом в половине первого ночи. В три часа ночи приказы о наступлении были переданы в дивизии Эльбской армии. Атака на Неханиц началась в половине девятого утра. Саксонцам удалось поджечь мост, однако прусские солдаты смогли потушить его с помощью своих котелков. К девяти часам утра Неханиц был взят, и саксонские батальоны отошли на главную позицию в районе Проблуса. Эльбская армия начала переправляться через Бистрицу. Происходило это не слишком быстро, поскольку для переправы был задействован единственный мост в Неханице. В результате в течение следующего часа боевые действия ограничивались артиллерийской дуэлью.

Бои за деревушки к западу от Проблуса, перед главной позицией саксонского кронпринца, развернулись только около полудня и велись с переменным успехом. Генерал Герварт не проявил должной энергии, и даже требования командования

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

1-й армии ускорить наступление не привели к активизации Эльбской армии: на поле боя попросту не удавалось сосредоточить достаточно сил. По одной из версий, Герварт опасался, что австрийцы нанесут в центре мощный контрудар и он окажется отрезан от 1-й армии. До двух часов дня Эльбская армия так и не перешла в решительное наступление на Проблус. Саксонская контратака, впрочем, тоже не принесла положительного результата.

Казалось, австрийцы близки к успеху. Однако в половине двенадцатого, когда прусский король уже был на грани отчаяния, Бенедек получил тревожные вести: армия кронпринца полным ходом движется в сторону его правого крыла, того самого, которое было практически оголено в результате боя за лес Свиб.

Поздно вечером 2 июля из прусской главной квартиры во 2-ю армию были отправлены два всадника, которые должны были передать приказ о немедленном наступлении на юг. Несмотря на начало «эпохи телеграфа», средства связи на театре военных действий оставались в основном такими же, что и тысячу лет назад. Развитие полевой телеграфии находилось в зачаточном состоянии.

2-я армия была в ночь со 2 на 3 июля сконцентрирована в районе Кёнигинхофа. Никто в ее штабе не планировал на следующий день ничего серьезного. Однако в четыре часа ночи в штаб кронпринца прибыл флигель-адъютант короля граф Финк фон Финкельштейн, и ситуация мгновенно

изменилась. Началась бурная деятельность по подготовке наступления. В семь часов утра приказы были переданы в войска. Вскоре с юга уже доносился глухой рокот орудий, недвусмысленно намекавший на то, что надо спешить.

Ближе всего к частям 1-й армии находился I армейский корпус генерала Бонина. О том, что рано утром 3 июля на Бистрице начнется сражение, Бонин был проинформирован еще ночью: Финк на пути в Кёнигинхоф встретил генерала и передал ему приказ действовать самостоятельно. Бонин, однако, отказался предпринять какие-либо шаги до получения распоряжений из штаба 2-й армии. Только в десятом часу утра части I корпуса пришли в движение. Его командир в итоге задержал не только свои подразделения, но и кавалерийскую дивизию 2-й армии, которая уткнулась в колонны I корпуса и в итоге не успела на поле сражения, где была действительно нужна.

Эта медлительность окончательно поставит точку в военной карьере Бонина. Совершенно иначе отреагировал на поступившие от 7-й дивизии новости командир 2-й гвардейской пехотной бригады Константин фон Альвенслебен: даже не спрашивая мнения своего руководства, он в половине девятого отдал приказ о выступлении.

К моменту, когда I корпус начал наступление, гвардейцы и части VI корпуса уже полным ходом двигались на юг. Этот марш вовсе не был легкой прогулкой. Холодный дождь размывал

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

почву, идти становилось все труднее, колонны растянулись. Особенно сложно в этих условиях приходилось артиллеристам. Командир гвардейской резервной артиллерии полковник Гогенлоэ-Ингельфинген с трудом добился разрешения разместить свои пушки в колонне между частями 1-й и 2-й гвардейских дивизий. Он справедливо опасался, что в противном случае артиллерия в очередной раз прибудет к шапочному разбору.

Командование 2-й армии по-прежнему не знало в точности, что ждет их впереди. Цепочки высот заслоняли долину Бистрицы. Только в 11 часов утра, прибыв в Хотеборек, кронпринц понял, что на юге в полном разгаре идет крупное сражение. С этого момента штаб 2-й армии стал прилагать еще больше усилий к тому, чтобы ускорить продвижение своих колонн. Встал вопрос и о дальнейших действиях: двигаться в направлении на лес Свиб, чтобы оказать непосредственную поддержку 7-й дивизии, или взять восточнее и ударить по правому флангу австрийской армии? Кронпринц практически без колебаний выбрал второй вариант. В качестве ориентира передовым частям было указано большое дерево (в действительности — две липы) на высоте у деревушки Гореновес.

Почувствовав близость противника, прусская пехота с новыми силами устремилась вперед. К востоку от гвардейцев наступали 11-я и 12-я пехотные дивизии. За ними на некотором отдалении двигались части V корпуса. Проходя мимо крепости

Йозефштадт, артиллерия VI корпуса обменялась с ней несколькими залпами. Именно из Йозефштадта Бенедек получил сообщение о движущейся на юг массе пруссаков и начал понимать весь масштаб грозящей ему опасности. Несколько минутами ранее командующий Северной армией размышлял, настал ли уже благоприятный момент для того, чтобы опрокинуть пруссаков на Бистрице, или надо дать им еще немного истечь кровью. Теперь нужно было принимать срочное решение.

Один возможный, хотя и рискованный вариант заключался в том, чтобы незамедлительно нанести сокрушительный удар по частям 1-й прусской армии, а против 2-й армии выдвинуть два находившихся в резерве корпуса. Именно за это выступал, в частности, Моллилари. Но Бенедек, как уже показал весь ход кампании, не очень любил рискованные решения. Он выбрал куда более консервативный — и в конечном счете менее удачный — сценарий, приказав 2-му и 4-му корпусам прервать бой в лесу Свиб и вернуться на свои исходные позиции. Оба командира корпусов решительно возражали — прервать уже начавшийся бой трудно, драгоценное время окажется упущено. К тому же оба они были уверены в том, что успех вот-вот будет достигнут. Однако их соображения не были приняты во внимание. В итоге только к часу дня из лесного боя удалось вывести более или менее значительные силы; это были уже понесшие значительные потери, утомленные,

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

перемешавшиеся подразделения. А пока весь правый фланг австрийцев прикрывали десять батальонов — явно недостаточно для того, чтобы сдержать удар четырех дивизий.

В начале первого артиллерия Гвардейского и VI корпусов под командованием Гогенлоэ заняла позиции на высоте у деревни Еричек к северу от Гореновеса. Восемь десятков прусских орудий достаточно быстро подавили вдвое уступавшую им численно австрийскую артиллерию, обеспечив тем самым наступление собственной пехоты. Пороховой дым и движение пехотных масс заметили около часу дня и на Роскосберге. Мольтке подъехал к королю и торжественно произнес: «Исход сражения решен, причем в Вашу пользу». Когда король усомнился в справедливости этих слов, шеф Большого генерального штаба повторил: «Успех полный. Вена лежит у ног Вашего Величества». Пафосные высказывания были обычно не в стиле Мольтке, однако ему нужно было подбодрить монарха, пессимизм которого мог в неподходящий момент испортить если не все, то многое. Шефу Большого генерального штаба приходилось вновь и вновь отклонять предложения (вернее, настойчивые требования) командования 1-й армии бросить в бой все резервы. Мольтке совершенно не собирался тратить силы на то, чтобы вытолкнуть противника из ловушки, в которой Бенедек оказался. Зато он поторапливал Эльбскую армию, ближе к двум часам указав генералу Герварту на важность

скорейшего удара в глубокий левый фланг и тыл противника.

К этому времени 2-я армия добилась новых серьезных успехов. Части VI корпуса, практически не встречая сопротивления австрийцев, переправились через речку Тротина. К двум часам дня 11-я дивизия вышла к Зендражицу. Слева от нее 12-я дивизия наступала на юг вдоль Эльбы и имела все шансы при благоприятном развитии событий добраться до Кёниггреца, перерезав главную дорогу, по которой могла отступить Северная армия.

В начале второго части Гвардейского корпуса захватили Гореновес. Дальше произошла небольшая заминка: командир корпуса принц Август Вюртембергский приказал приостановить наступление и дожидаться подхода отставших. Принц опасался, что австрийцы нанесут удар по открытому правому флангу гвардейцев. Однако командир двигавшейся в авангарде 1-й гвардейской дивизии генерал Хиллер фон Гертринген попросту проигнорировал приказ своего командира (один из примеров знаменитой прусской самостоятельности и инициативы). Если бы последствия оказались плохими, генералу грозили бы крупные неприятности. В прусской армии действовал принцип «победителей не судят». Решение Хиллера оказалось абсолютно правильным — чем быстрее пруссаки наступали на юг, тем меньше времени было у австрийцев для того, чтобы организовать более или менее устойчивую оборону на этом направлении.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Таким образом солдаты 1-й гвардейской дивизии продолжили двигаться в направлении деревушки Хлум, расположенной на возвышенности чуть восточнее Липы. Если бы пруссакам удалось взять эту деревушку, австрийская группировка в районе леса Свиб оказалась бы окружена с трех сторон. Задача была не из легких: гвардейцам приходилось наступать под массированным огнем австрийской артиллерии. Поскольку батареи 1-й гвардейской дивизии отстали, в дело вступили орудия Гогенлоэ. Развернувшись в полутора километрах от австрийских позиций, они фактически вызвали вражеский огонь на себя и тем самым значительно облегчили наступление пехоты. «Примечательно, — писал впоследствии Гогенлоэ, — как быстро и много человек может размышлять в критической ситуации. Было более чем вероятно, что мои орудия будут уничтожены..., но я должен был выдвинуть их вперед. 1-я гвардейская дивизия справа от меня уже спустилась в ложину между Масловедом и Хлумом. Вскоре она начнет подниматься по склону, и сто двадцать австрийских пушек уничтожат ее. Но если огонь противника будет направлен на мои батареи, дивизия сможет продолжить атаку и захватить вражеские орудия. Если при этом погибнут мои батареи, эта жертва будет более чем оправданной». Чтобы уменьшить потери, Гогенлоэ приказал батареям сначала остановиться у хорошо заметных ориентиров, дождаться там начала австрийского обстрела, а затем снова двинуться вперед и занять

позиции. В результате шквал вражеских снарядов поначалу пролетал у пруссаков над головами.

Хлум обороняла австрийская пехотная бригада, уже потрепанная в боях за лес Свиб. Командир бригады, надеясь принять участие в долгожданном контрударе, приказал своим солдатам занять позиции фронтом на запад. Из Хлума было плохо видно, что творилось на севере — большую часть обзора закрывала высота с деревней Масловед, кроме того, Хлум окружали поля высокой пшеницы. Основная часть австрийской пехоты располагалась к югу от Хлума. Когда командиру одного из полков в начале четвертого доложили, что с севера приближаются солдаты противника, он только посмеялся: «Верно, это подходят саксонцы!» Вскоре ему пришлось убедиться, насколько серьезно он заблуждался.

Прусские гвардейцы атаковали австрийские батареи к востоку от Хлума. Прикрывавшая их пехота и орудийная прислуга бежали, оставив в руках противника 16 пушек. Паника перекинулась и на подразделения, с помощью которых австрийские офицеры пытались остановить бегущих и вернуть потерянную позицию. Проблема заключалась в том, что этот участок должны были удерживать батальоны, уже понесшие большие потери в первой половине дня. Их боеспособность оставляла желать много лучшего.

В результате австрийская оборона на правом крыле была прорвана окончательно. Гвардейцы

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

устремились вперед, к деревне Розбериц, находившейся на большой дороге Гичин — Кёниггрец. В этот момент они попали под обстрел из Хлума, на который ранее не обратили внимание, считая, что противника там нет. Пруссаки повернули на запад, атаковали деревню, в течение нескольких минут уничтожив ее гарнизон и взяв в плен около 600 австрийских солдат. На протяжении следующего часа находившиеся поблизости подразделения австрийской пехоты и кавалерии проводили нескоординированные атаки на Хлум, пытаясь вернуть эту ключевую позицию. Многие из них проявили при этом истинное мужество и презрение к смерти. Успеха, однако, им достичь не удалось.

Гораздо меньшим рвением отличался командир 2-го австрийского корпуса граф Тун. Находившиеся в его распоряжении полторы пехотные бригады и существенные силы кавалерии — свежие, еще не использованные в бою подразделения общей численностью не менее 20 тысяч человек — оказались на пути дивизий VI корпуса. Тун решил, что главное достоинство командира — беречь своих солдат, и приказал отступать через Эльбу. В итоге пруссаки практически без боя заняли деревни Неделишт и Лохениц. До Кёниггреца оставались считанные километры.

Самую непосредственную угрозу Северной армии представляли ворвавшиеся в Хлум гвардейцы. До большой дороги было рукой подать;

фактически центр австрийской позиции оказался в полуокружении. Руководство Северной армии поначалу отказывалось верить в произошедшее. Бенедек заявил, что новость о потере Хлума — несусветная чушь, а затем лично вместе со своим штабом отправился проверить информацию. Итог был закономерным: группа всадников попала под обстрел, несколько человек были ранены.

Поняв наконец весь ужас ситуации, Бенедек пришел в ярость. К его чести необходимо сказать, что он не только не потерял голову, но и стал действовать предельно энергично. Командующий лично повел 52-й полк в атаку на Хлум. Однако гвардейцы к тому моменту уже получили подкрепление, и ключевую высоту удалось удерживать. Следующими Хлум атаковали с запада части 3-го корпуса, в первой половине дня готовившиеся к несостоявшемуся контрудару против 1-й армии и потому полностью боеспособные. Австрийцев вновь подвела тактика: густые колонны были отличной мишенью для игольчатых винтовок. Отход частей 3-го корпуса с позиций к востоку от леса Хола заставил и соседний 10-й корпус начать отступление на восток, к главной дороге. Этот маневр блестяще прикрывала австрийская артиллерия.

Для солдат 1-й армии такое развитие событий было как нельзя кстати. В начале второго австрийская пехота нанесла контрудар по прусским частям, занимавшим лес Хола. Хотя атака была отбита с большими потерями, одна едва не стала

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

последней каплей, переполнившей чашу. Пруссаки находились уже в довольно критическом положении. Все резервы 4-й дивизии оказались брошены в бой; командир II армейского корпуса генерал Шмидт считал, что сражение проиграно, и отправил Фридриху Карлу донесение о том, что отход к Би-стрице неизбежен. Только подход 12-й бригады из состава III корпуса заставил его изменить решение.

7-я дивизия в лесу Свиб почувствовала облегчение несколько раньше, после того, как Бенедек отдал приказ об отводе частей 2-го и 4-го корпусов; к трем часам дня в лес прорвались батальоны бригады Альвенслебена, и австрийцы начали поспешно отходить, чтобы не попасть в окружение. Преследующие их гвардейцы с ходу заняли Чистовес и продолжили наступление в сторону Липы.

Пока на севере прорыв гвардейских дивизий ставил под угрозу само существование Северной армии, на юге бои шли с переменным успехом. Саксонский кронпринц Альберт решил ближе к двум часам дня нанести мощный контрудар по Эльбской армии, задействовав для этого четыре полнокровные пехотные бригады, кавалерию и артиллерию. Идея заключалась в том, чтобы одновременно атаковать батальоны Герварта в лоб и охватить их правый фланг. Медлительность прусского командующего благоприятствовала успеху этого плана. В половине второго саксонское наступление началось.

К несчастью для кронпринца Альберта, к этому моменту пруссаки уже успели переправить через Бистрицу и Неханиц значительные силы. Примерно в половине второго части Эльбской армии начали наступление. 15-я дивизия нанесла удар по левому флангу противника в районе Ной-Прима, где занимали позиции части 8-го австрийского корпуса. Его подразделения, серьезно пострадавшие при Скалице, не выдержали вида наступавшей прусской пехоты и обратились в паническое бегство. Бегущие вклинились прямо в ряды наступающих саксонцев, внеся беспорядок и фактически сорвав атаку. К этому добавлялся огонь прусской артиллерии.

В такой ситуации саксонцы проявили себя с лучшей стороны, сделав почти невозможное: пропустив через свои ряды бегущих, отразили прусский натиск, после чего в полном порядке отошли на главную линию обороны в районе Проблуса. Однако к половине третьего и эта позиция оказалась в опасности. Прусская пехота захватила находившуюся к югу от Проблуса деревню Обер-Прим. В это же время Герварт, выполняя полученный от Мольтке приказ, направил части 14-й дивизии на Проблус. Саксонцы, понесшие к тому моменту значительные потери, начали постепенно утрачивать боевой дух.

В этой ситуации наследнику саксонского престола оставалось только одно: отступить, сохраняя порядок и сдерживая наседающего противника.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Пока основные силы левого крыла отходили в направлении главной дороги, 3-я саксонская бригада выполняла роль арьергарда. Свои позиции ей удалось удерживать до начала четвертого. Потери при этом были велики и включали в себя командира бригады. В конце концов Проблус был взят, и перед Эльбской армией открылась благоприятная возможность выйти к главной дороге и подать руку гвардейцам.

Эта возможность не была использована. 14-я и 15-я дивизия были измотаны и ослаблены потерями; 16-я только начала переправу через Бистрицу, а кавалерия, которую было самое время бросить на чашу весов, еще даже не приступила к переправе. Решение Герварта использовать только мост в Неханице в очередной раз привело к весьма неблагоприятным последствиям — в том числе для него самого. Хотя после войны его чествовали как одного из главных ее героев, его военная карьера была, по сути, завершена.

К трем часам дня судьба сражения была решена. Австрийцы проиграли окончательно и бесповоротно. Вопрос заключался лишь в том, насколько масштабной будет катастрофа Северной армии. К чести Бенедека и австрийского командования в целом, нужно сказать, что катастрофы в общем удалось избежать. Пруссак не сумели в полной мере воспользоваться ситуацией. Впрочем, это неудивительно, учитывая, что и в главной квартире, и в штабах 1-й и 2-й армий весьма смутно

представляли себе, где находятся и что делают собственные подразделения. Централизованное управление сражением в значительной степени отсутствовало. Все зависело от решений командиров подразделений, находившихся на передовой.

Только в четыре часа кронпринц узнал о том, что Хлум взят, и оценил это известие совершенно правильно — как выигрыш всего сражения в целом. Любопытно, что несколько минут спустя из главной квартиры прибыл генерал-лейтенант Бойен с поручением от короля: 2-я армия должна поторопиться, иначе поражение неминуемо, ситуация критическая, все висит на волоске. Короче говоря, Вильгельму I удалось вложить в послание сыну весь свой пессимизм. Наследнику престола стоило немало труда объяснить Бойену, что опасения монарха несколько преувеличены.

Тем временем Бенедек бросил в бой резервы. В контратаку был направлен 6-й корпус, которому было поручено отбить у пруссаков Хлум и Розбериц. Рамминг не спешил очертя голову бросаться в бой, проведя сначала артподготовку. На Хлум обрушился град снарядов, деревня загорелась. Гвардейская артиллерия под командованием Гогенлоэ уступала австрийцам численно и вынуждена была отойти. За артиллерийской подготовкой последовала массированная атака пехоты. Сражение за Розбериц превратилось в настоящую мясорубку. Воздух был наполнен металлом. Несколько гвардейских рот отражали атаки австрийской бригады

до тех пор, пока патроны не подошли к концу. Потери обеих сторон были огромны. В этом бою принимал участие и молодой лейтенант Пауль фон Гинденбург — будущий фельдмаршал, фактический диктатор Германской империи в Первой мировой войне, второй и последний президент Веймарской республики. Бой за Розбериц, в котором он получил ранение, остался в его памяти на всю жизнь: «Плотные массы противника атаковали нас с трех сторон, чтобы вернуть себе деревню. Эффективность игольчатого ружья чудовищна, но на смену падающим первым шеренгам австрийцев появляются все новые. На деревенских улочках, между домами с горящими соломенными крышами, разворачивается убийственная рукопашная схватка. Подразделений больше нет, каждый колет и стреляет сам по себе. Принц Антон фон Гогенцоллерн из 1-го гвардейского полка падает на землю, тяжело раненный. Ферих⁶ фон Войрш — нынешний фельдмаршал — с несколькими солдатами ведет бой за принца. Мне передают золотые часы раненого, чтобы они не достались австрийским мародерам. Вскоре нам грозит опасность быть отрезанными от своих. Из переулка за нашей спиной слышны сигналы австрийских рожков и грохот австрийских барабанов — более глухой, чем у прусских. Мы должны отходить. Горящая соломенная крыша

---

⁶ Унтер-офицерский чин, предназначенный в первую очередь для кандидатов в офицеры.

падает на дорогу, пламя и дым преграждают путь противнику. Благодаря ей мы спасены и отступаем на высоту чуть северо-восточнее деревни».

В конце концов гвардейцы вынуждены были отойти из деревни и занять оборону в складках местности к югу от Хлума. Наступление австрийцев продолжалось. У Рамминга было достаточно сил для того, чтобы нанести по Хлуму концентрический удар. Однако он не хотел давать противнику времени опомниться, поэтому австрийские бригады атаковали Хлум в лоб. В их рядах были элитные подразделения — такие, как знаменитый полк «Хох унд Дойчмайстер», история которого насчитывала к тому моменту ровно 170 лет. Результат был вполне предсказуем: после войны дорога между двумя деревушками получила название «дороги мертвецов».

Атака началась около четырех часов дня. Через некоторое время гвардейцы оказались в критическом положении. Австрийцы, неся большие потери, медленно, но верно оттесняли их к окраине Хлума. Гвардейская артиллерия была настолько ослаблена, что мало чем могла помочь пехоте. В этот момент к генералу Хиллеру, командовавшему обороной деревни, прибыл вестовой из VI корпуса с вопросом, какая помощь нужна гвардейцам. Хиллер попросил нанести удар на Розбериц, во фланг наступающим австрийцам. Но помощь могла прийти только спустя некоторое время, пока гвардейцам нужно было держаться в одиночку.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

В половине пятого Хиллер увидел колонны, подходившие к Хлуму с севера — это был авангард I армейского корпуса, наконец-то прибывшего на поле сражения. В тот же момент командир 1-й гвардейской дивизии был смертельно ранен осколком снаряда.

К востоку от Хлума части VI корпуса продвигались на юг. Прусская пехота несла потери под огнем австрийских батарей из состава 6-го корпуса и артиллерийского резерва. Ближе к половине пятого части 11-й дивизии заняли деревню Свети к востоку от Розберица, откуда было уже рукой подать до большой дороги. Если бы части VI корпуса продолжали наступление на юг, у них были бы неплохие шансы перерезать эту дорогу и тем самым перекрыть основной массе Северной армии главный путь к отступлению. Но кипевший в районе Хлума ожесточенный бой приковал к себе внимание командования 2-й армии; частям VI корпуса было приказано повернуть на Розбериц.

Помощь защитникам Хлума тем временем шла и с другой стороны. В четыре часа дня прусский король с согласия Мольтке отдал приказ об общем наступлении 1-й армии. Как измотанные в боях, так и свежие дивизии двинулись вслед за отступавшими австрийцами. Вильгельм I со своей свитой поскакал за ними. Ближе к пяти часам король прибыл в Липу, где оказался в сфере досягаемости австрийской артиллерии. Вильгельм I не всегда достойно выдерживал груз ответственности, однако

в его личной храбрости сомневаться не приходилось. Бисмарку лишь с некоторым трудом удалось убедить монарха выбрать более безопасное место, чем то, куда падали австрийские снаряды. Некоторое время спустя сюда же прибыл кронпринц; отец и сын торжественно обнялись, и король вручил своему наследнику высший прусский военный орден «Pour le merite».

Тем временем Бенедек, убедившись, что взять Хлум не удастся, приказал Раммингу прекратить атаки. Части 1-го корпуса, остававшиеся в резерве, должны были не дать пруссакам выйти к большой дороге. Австрийской кавалерии было приказано атаковать в западном направлении и сдерживать наступление 1-й прусской армии. В распоряжении командующего Северной армией находилось сорок эскадронов лучшей в Европе конницы. Развернувшись широким фронтом к югу от большой дороги, они должны были спасти то, что еще можно было спасти. И австрийская кавалерия справилась с этой задачей.

На сцене как раз в этот момент появилась и прусская кавалерия из состава 1-й армии. Именно теперь стало очевидно, насколько ошибочным было решение отправить половину кавалерийского корпуса Герварту в первой половине дня. В распоряжении пруссаков в решающий момент оказался лишь 31 эскадрон. Их авангард — 12-й гусарский и 3-й драгунский полки — атаковали австрийскую пехоту, отходившую из Розберица, когда сами

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

попали под удар австрийских кирасир. Прусские кавалеристы были вынуждены в беспорядке отступить, и только появление на поле боя трех эскадронов улан спасло их от разгрома. К австрийцам тоже подоспели подкрепления, и габсбургская конница прорвалась почти до деревни Лангенхоф чуть южнее Липы. Там она наткнулась на прусскую пехоту, которая встретила всадников убийственным огнем игольчатых винтовок. Прусские гусары и уланы преследовали австрийцев, но без особого успеха: без поддержки пехоты совладать с вражеской кавалерией они не могли.

Эти события разворачивались вдоль большой дороги Гичин — Кёниггрец. Южнее, в полосе наступления Эльбской армии, австрийские кирасиры атаковали несколько эскадронов прусских драгун и практически уничтожили их. Преследование прекратилось только тогда, когда тяжелая кавалерия попала под огонь прусской пехоты к северу от Проблуса. Это повторялось раз за разом: австрийская конница легко громила прусскую, пока не оказывалась под огнем прусской пехоты и артиллерии. Ценой сравнительно небольших потерь — около тысячи человек убитыми и ранеными — кавалеристы Северной армии смогли обеспечить своим товарищам желанную передышку. Авангард прусской кавалерии был рассеян, прусская пехота вынуждена была терять время, отражая кавалерийские атаки. Части Эльбской армии и вовсе прекратили

наступление — осторожный Герварт вновь приказал дожидаться сосредоточения сил.

Пока к югу от главной дороги пруссаков сдерживала австрийская кавалерия, к северу от нее в бой вступили части 1-го корпуса. Они атаковали Хлум — без всякой надежды на успех, лишь с целью задержать наступающего врага. Цена, которую пришлось уплатить за небольшой выигрыш во времени, оказалась колоссальной. Подпустив атакующие колонны противника на 250 метров, прусские пехотинцы открыли из укрытий плотный огонь. Потери 1-го корпуса составили около 6 тысяч солдат и офицеров, еще почти три тысячи сдались в плен. Это была почти четверть всех потерь Северной армии 3 июля. «Безумное построение и еще более безумная смелость», — комментировал происходящее один из прусских офицеров.

Однако назвать эти потери совершенно бессмысленными нельзя. Под прикрытием кавалерии и 1-го корпуса потрепанные подразделения других корпусов более или менее упорядоченно отходили за Эльбу. Роль арьергарда выполняла австрийская резервная артиллерия, к которой присоединились батареи нескольких корпусов. Всего в распоряжении полковника Хофбауэра в районе Всестара находилось около 70 орудий. Когда 11-я пехотная дивизия обошла его правый фланг, Хофбауэр смог отступить примерно на два километра и еще раз занять позиции по обе стороны от большой дороги. Здесь артиллеристы держались до тех пор,

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

пока австрийская пехота не закончила переправу через Эльбу. Последние выстрелы прозвучали уже после наступления темноты, в девять часов вечера.

Во многом именно благодаря усилиям кавалерии и артиллерии Северная армия смогла избежать полного разгрома и отойти с поля боя в относительном порядке. Яростное сопротивление австрийцев не позволило прусскому командованию в полной мере оценить масштаб своей победы. Впрочем, утомленные, понесшие значительные потери и расстрелявшие боеприпасы части 1-й и 2-й армий, перемешавшиеся на поле боя (пару раз дело доходило даже до «дружественного огня»), были вряд ли способны к энергичному преследованию разбитого противника. В резерве имелись свежие силы кавалерии, однако бросать ее вперед без поддержки пехоты сочли неразумным. К преследованию могли приступить силы Эльбской армии — одна из дивизий Герварта еще вообще не участвовала в бою — но они продвигались вперед слишком медленно. В половине седьмого вечера Мольтке отдал финальный приказ: 1-я и 2-я армия должны были на следующий день отдыхать и приводить свои подразделения в порядок, Эльбская армия — преследовать противника, отходящего в направлении на Пардубиц.

С австрийской стороны тем временем избежать хаоса не удалось. Одним из главных виновников стал комендант Кёниггреца генерал-майор Вейгль, который больше всего опасался того, что враг

неожиданно ворвется в крепость. Наблюдая за отступлением Северной армии, он в начале восьмого приказал закрыть крепостные ворота и открыть шлюзы, затопив местность вокруг стен. Учитывая, что именно к мостам у Кёниггреца устремилась основная масса солдат Северной армии, это привело к фатальным последствиям. Возникли заторы, в которых, как степной пожар, распространялась паника. Сотни человек оказались затоптанными или захлебнулись на затопленных лугах, орудия и повозки просто сбрасывались с дороги. Один из очевидцев сравнивал происходящее с переправой Наполеоновской армии через Березину. Офицеры из всех сил пытались восстановить порядок, но не достигли успеха. Только ближе к одиннадцати часам Вейгль все же открыл крепостные ворота.

Лишь на следующий день пруссаки увидели окрестности Кёниггреца, усеянные оружием, снаряжением, личными вещами, брошенными орудиями и повозками, и поняли, какой шанс был упущен накануне вечером. А пока у них были свои заботы. Для начала имело смысл привести в порядок собственные подразделения и оценить достигнутое. Результаты были не вполне очевидны для многих участников — некоторые прусские офицеры в конце дня спрашивали о том, кто же в конце концов одержал победу. Разумеется, по этому вопросу у прусского командования никаких сомнений не было, но масштаб успеха был неизвестен и в главной квартире. К примеру, количество захваченных

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

австрийских орудий в первые часы после сражения оценивалось на порядок ниже, чем оно оказалось в действительности.

Постепенно выяснилось, что потери прусской армии не столь велики, как этого можно было бы опасаться. Да, отдельные подразделения, стоявшие насмерть в лесах Свиб и Хола и удерживавшие Хлум, пострадали очень сильно. Однако в общем и целом потери убитыми составили 99 офицеров и 1830 нижних чинов, ранеными — 260 офицеров и 6688 нижних чинов, кроме того, 276 человек пропало без вести (речь в основном шла о пленных). Ущерб, нанесенный Северной армии, был в несколько раз больше. Австрийцы потеряли в общей сложности около 43 тысяч солдат и офицеров, больше половины из которых попали в плен. К этому необходимо добавить полторы тысячи саксонских потерь. Пруссаки захватили 174 вражеских орудия, не считая прочего военного имущества. Северной армии был нанесен огромный ущерб — не только в материальном, но и в моральном отношении. Находившийся в ее рядах английский военный корреспондент Рассел назвал австрийские корпуса «обломками войска».

Глазам прусских офицеров, встретивших утро 4 июля на поле сражения, предстала печальная картина. Битва разворачивалась на сравнительно небольшом пространстве — примерно 8 километров с севера на юг и 5 километров с запада на восток. Теперь все оно было покрыто телами

Глава 4. Кульминация

убитых, брошенным оружием, разбитыми повозками и раскиданными личными вещами. Отовсюду раздавались крики раненых. Некоторые просили застрелить их, чтобы положить конец мучениям. Судьба раненого в крупных сражениях середины XIX века была незавидной: медицинские службы не справлялись со своевременной эвакуацией с поля боя и оказанием необходимой помощи, а отсутствие антисептиков приводило к высокой смертности даже от легких ранений. Еще много дней спустя после сражения поле битвы производило жуткое впечатление. Только постепенно раны зарастали, и сегодня о событиях полуторавековой давности к северо-западу от Кёниггреца (Градец-Кралове) напоминает лишь россыпь военных мемориалов, которых особенно много в районе Хлума и на опушках леса Свиб.

Глава 5

Финал

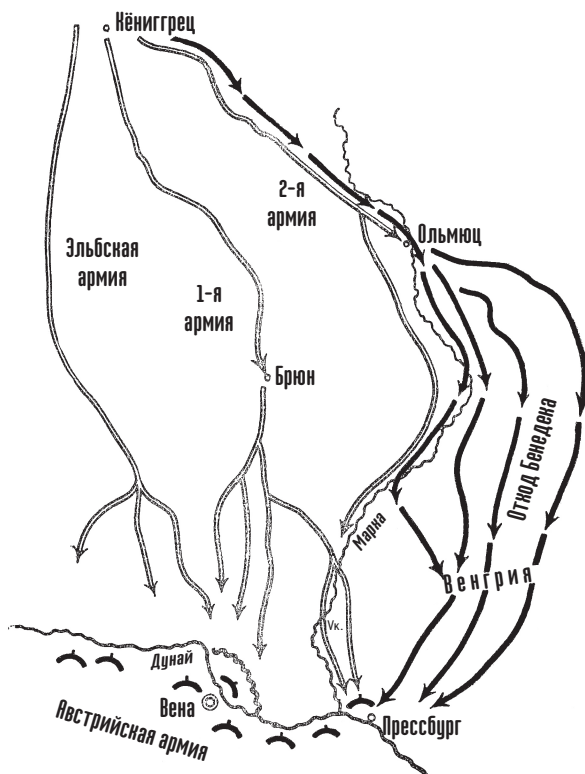
Битва при Кёниггреце была не единственным крупным сражением, состоявшимся 3 июля. В Пруссии в этот день прошли очередные парламентские выборы. Консерваторы и либералы вступили друг с другом в смертельную схватку. Прусские победы, одержанные в конце июня, решили не только исход войны, но и исход выборов. Как это часто бывает, успехи на поле брани мгновенно изменили настроение общества. Те, кто раньше был равнодушен, теперь ликовал, а те, кто говорил о «братоубийственной войне», предпочитали помалкивать. В итоге либералы потеряли почти сотню мандатов, а вместе с ними и большинство в нижней палате. Консерваторы, напротив, существенно укрепили свои позиции. Более того: часть либералов теперь подумывала о сотрудничестве с Бисмарком, который явно всерьез взялся воплощать их мечты о едином германском государстве. «Конституционный конфликт» в Пруссии подходил к концу.

К своему концу подходила и Немецкая война. У Вены все еще было достаточно сил для

того, чтобы продолжать борьбу не на жизнь, а на смерть. В рядах Северной армии оставалось около 180 тысяч человек, а из Италии ей на помощь спешила Южная армия. Однако смысла воевать до последней капли крови не было. От продолжения войны австрийцы уже практически ничего не могли выиграть, а вот проиграть — очень многое. Финансовая ситуация ухудшалась с каждым днем. Еще более грозной была опасность национальных восстаний. Глухое недовольство в Венгрии грозило в любой момент прорваться наружу, и Бисмарк всячески поддерживал борцов за венгерскую независимость, позволив им сформировать на прусской территории добровольческий корпус.

Уже на следующий день после Кёниггреца, 4 июля, в прусскую главную квартиру явился фельдмаршал-лейтенант Габленц с просьбой о перемирии. «Ваша армия в нем нуждается?» — спросил австрийского уполномоченного принц Фридрих Карл. «У моего императора больше нет армии, считайте, что она уничтожена», — патетически ответил Габленц, видимо, все еще не оправившийся от потрясения. Вскоре, однако, выяснилось, что у посланника нет полномочий вести переговоры об условиях окончания войны в целом. Давать противнику передышку было в таких условиях невыгодно прусской стороне, и Габленц увез с собой издевательское предложение: трехдневное перемирие в обмен на сдачу крепостей Терезиенштадт, Йозефштадт и Кёниггрец. Раньше 7 июля начать

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Завершающая фаза кампании в Богемии

полномасштабное наступление пруссаки все равно не смогли бы. К этому моменту их система снабжения уже начала давать серьезные сбои.

8 июля Габленц вернулся в прусскую главную квартиру. Он привез согласие на сдачу крепостей Кёниггрец и Йозефштадт, однако при условии, что

перемирие будет продолжаться не меньше восьми недель. Мольтке без долгих разговоров отправил его восвояси.

Северная армия тем временем продолжала отступление на юго-восток. Только кавалерия была направлена к Вене, да наименее пострадавший 10-й корпус перебрасывался к столице по железной дороге. Оставшиеся корпуса Северной армии добрались к 10 июля до района Ольмюца, где их планировалось привести в порядок. В этот же день в руки прусской кавалерии попала австрийская штабная карта, достаточно точно показывающая дислокацию противника. Опираясь на эти данные, Мольтке отдал приказ о продолжении наступления.

Прусские армии должны были вновь двигаться широким фронтом. 1-й армии приказали наступать прямо на Вену через Брюнн. Ее правый фланг прикрывала Эльбская армия. 2-я армия должна была блокировать противника в Моравии, помешать переброске войск Северной армии к столице по железной дороге и одновременно прикрыть левый фланг Фридриха Карла.

В Вене в это время лихорадочно готовились к обороне. Бенедеку было приказано как можно быстрее направить силы на защиту столицы. 11 июля в Вену прибыли передовые части Южной армии. Напротив столицы, на левом берегу Дуная у Флоридсдорфа, началось лихорадочное строительство укреплений. В тот же день командующий Южной армией эрцгерцог Альбрехт был назначен

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

главнокомандующим австрийскими вооруженными силами. Бенедек временно оставался во главе Северной армии, однако подчинялся эрцгерцогу. Оставив один корпус в районе Ольмюца, основная масса Северной армии должна была двигаться к столице, по возможности используя железную дорогу через Прерау и Лунденбург.

В прусской главной квартире больше опасались не австрийской армии, а вмешательства других великих держав, в первую очередь Франции и России. По крайней мере, именно так видел ситуацию Бисмарк. Да, в 1864 году датчане так и не дождались помощи со стороны крупных игроков. Однако тогда речь шла о маленькой Дании и двух небольших герцогствах, теперь же — о сломе всей политической архитектуры Центральной Европы! Ни Петербург, ни Париж не могли в этой ситуации остаться безучастными. Конечно, совместные действия двух держав после 1863 года были довольно маловероятны (хотя и не исключены), но даже поодиночке Россия и Франция могли доставить пруссакам своим вмешательством массу проблем.

Глава прусского правительства не ошибался: сражение при Кёниггреце окончательно опрокинуло все расчеты на долгую войну и заставило дипломатов великих держав резко активизироваться. Российское руководство выступило с идеей созыва общеевропейского конгресса, на котором, как в старые добрые времена, были бы согласованы условия окончания Немецкой войны

и переустройство Центральной Европы. Для Бисмарка это было весьма некстати, и в ответ он начал шантажировать Петербург угрозой германской революции: «Не спровоцировав революцию в Пруссии и Германии, совершенно невозможно отказаться от плодов нашей победы, достигнутой с риском для нашего существования, и сделать устройство Германии зависимым от решений конгресса». Александру II пришлось смириться с тем, что министр его любимого дяди поставил его перед свершившимся фактом, тем более что у России было явно недостаточно ресурсов для того, чтобы диктовать Берлину свою волю после окончания боевых действий в Богемии. Времена, когда российского императора называли «жандармом Европы», прошли безвозвратно.

Основной проблемой для Бисмарка была Франция. Глава прусского правительства даже обратился к Мольтке: что он предпримет, если Наполеон III бросит на чашу весов свою армию? Ответ шефа Большого генерального штаба был лаконичен: оставить заслон против австрийцев на Эльбе и бросить все остальные силы на Рейн. Мольтке давно мечтал о том, чтобы покончить с «наследственными врагами» немцев. Однако Бисмарк считал этот план слишком рискованным.

Тем временем в Париже начали предпринимать решительные шаги, чтобы взять на себя функции арбитра в австро-прусском конфликте. Еще 2 июля Франц Иосиф обратился к Наполеону III с просьбой

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

о посредничестве, и французский император с готовностью согласился. В Париже даже рассматривали возможность немедленно мобилизовать армию и вторгнуться в германские государства. Однако значительная часть французской армии все еще находилась в Мексике в рамках одной из самых неудачных внешнеполитических авантур Наполеона III и наличных сил было недостаточно для того, чтобы гарантировать успех. Поэтому было решено сделать ставку на дипломатию.

Бисмарк, в свою очередь, сразу согласился на французское посредничество, но при этом развил бурную деятельность, направленную на то, чтобы Париж остался ни с чем. Задачей главы прусского правительства было договориться напрямую с австрийцами. На этом пути он встретил неожиданного противника — прусского короля. Вильгельм I, опьяненный победой, хотел торжественно вступить в Вену. «Если мы не будем ставить преувеличенные запросы и не поверим в свою способность завоевать весь свет, — писал Бисмарк жене 9 июля, — то получим мирный договор, достойный наших усилий. Однако мы так же легко воспаряем, как впадаем в уныние, и передо мной стоит неблагоприятная задача лить воду в бурлящее вино и напоминать о том, что мы живем в Европе не в одиночку, а между тремя державами, которые относятся к нам с завистью и ненавистью».

Много позже в своих мемуарах Бисмарк будет изображать себя одиноким воином, вынужденным

сражаться против всего окружения короля. В реальности ситуация была иной. Главу правительства поддерживали и кронпринц, и Мольтке. Оба они понимали, что политическая цель войны уже достигнута и ставить это под вопрос ради театральных эффектов недопустимо. Король, однако, упрямылся, и часть военной верхушки поддерживала его. Это было тем более неприятно, что 12 июля в прусскую главную квартиру прибыл французский посол Бенедетти. Бисмарку волей-неволей пришлось вступить в конкретные переговоры о будущем переустройстве Германии. Глава прусского правительства пообещал, что влияние Берлина не будет распространяться дальше реки Майн, разделяющей север и юг Германии, и намекнул на возможность территориальных компенсаций для Франции. Его главной задачей было затянуть переговоры до того момента, когда соглашение с Австрией будет заключено. Этому благоприятствовала позиция итальянцев: Бисмарк заявил, что не может заключить перемирие отдельно от своего союзника, а итальянское командование после ухода австрийской Южной армии стремилось занять как можно больше вражеской территории и было не заинтересовано в немедленном прекращении войны.

Тем временем боевые действия продолжались. 12 июля авангард 1-й армии без боя вошел в Брюнн. На следующий день сюда прибыл прусский король вместе с главной квартирой. 2-я армия вышла

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

в район к югу от Ольмюца. 15 июля ее авангарды у Тобичау и Рокетница нанесли серьезное поражение частям Северной армии. Боеспособность последних была все еще низкой; австрийская пехота бежала, бросая орудия, и оказалась неспособна выдержать даже атаку вражеской кавалерии. Все это происходило на глазах Бенедека и, понятное дело, не добавляло ему оптимизма. В тот же день части 1-й армии перерезали железную дорогу, которая вела из Ольмюца к Вене. Бенедек вынужден был отдать приказ о движении к столице в обход, через Карпаты и венгерскую территорию.

В эти дни у прусской армии появился новый смертельный враг — эпидемия холеры. Она началась через несколько дней после битвы при Кёниггреце и унесла жизни в общей сложности шести с половиной тысяч солдат и офицеров — это было больше, чем пало смертью храбрых на полях сражений. Такая ситуация, впрочем, была типичной для европейских войн раннего Нового времени.

К 20 июля части Эльбской армии вышли в район Волькерсдорфа. До австрийской столицы оставалось меньше 20 километров. Прусские солдаты уже видели на горизонте башню собора Святого Штефана. Части 1-й армии наступали восточнее на широком фронте; IV корпус приближался к Пресбургу наперерез остаткам Северной армии. 20 июля в Никольсбурге, где размещалась прусская главная квартира, начались переговоры о перемирии. Договориться удалось быстро, и в полдень 22 июля

перемирие сроком на пять дней вступило в силу. В тот же день состоялся последний крупный бой Богемской кампании — при Блуменау, в нескольких километрах к северо-западу от Пресбурга. Ровно в двенадцать часов дня его, соответственно, пришлось прервать.

Бисмарку вновь пришлось отчаянно спорить с королем об условиях мира, отговаривая от любых территориальных приобретений за счет Австрии. Даже если описание этих споров в мемуарах главы правительства страдает излишним драматизмом, задача была не из легких. 24 июля Вильгельм I наконец капитулировал перед своим министром. Два дня спустя был заключен предварительный мирный договор. В соответствии с его условиями австрийцы соглашались на роспуск Германского союза и предоставляли Пруссии право самостоятельно определять, что придет ему на смену. Все права на Шлезвиг и Гольштейн Франц Иосиф уступал своему более удачливому прусскому коллеге. Австрийцы согласились на то, чтобы Пруссия аннексировала ряд северогерманских государств, однако настояли на сохранении независимости Саксонии. Условия Никольсбургского договора были подтверждены окончательным Пражским миром 23 августа 1866 года.

День 26 июля 1866 года стал таким образом одним из важнейших в истории Европы XIX века в целом. Австро-прусский дуализм в Центральной Европе, существовавший на протяжении более

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

120 лет, ушел в прошлое. Этот дуализм был важным элементом в системе международных отношений XVIII и XIX столетий. Теперь архитектура системы существенно менялась. На пространстве бывшего Германского союза оставался один лидер — Пруссия. Хотя немедленного объединения Германии не произошло, важнейший шаг к этому был сделан. Малые и средние германские государства, лишённые покровительства империи Габсбургов, неизбежно втягивались в прусскую орбиту. Их экономическая интеграция достигла уже достаточно высокого уровня, а теперь ее должна была дополнить и военно-политическая составляющая (особенно к северу от реки Майн). Вопрос теперь заключался не в том, произойдет ли объединение Германии вокруг Пруссии, а лишь в том, в какие сроки и в каких формах это случится.

После заключения Никольсбургского договора Немецкая война, по сути, была окончена, хотя боевые действия на второстепенных театрах продолжались. Итальянцы, потерпевшие 20 июля позорное поражение в морском сражении при Лиссе, возмущались тем, что пруссаки вступили в переговоры с общим врагом без их участия. Бисмарк резонно ответил, что «успехи» его южных союзников никак не подкрепляют их претензии на активную роль в мирном урегулировании. 30 июля австрийцы и итальянцы заключили трехдневное перемирие, которое затем неоднократно продлевалось. 3 октября в Вене был подписан мирный

договор, по которому Италия получала Венецианскую область. Надежду приобрести Трентино итальянцам пришлось оставить. Кроме того, они согласились взять на себя часть австрийского государственного долга и заплатить компенсацию за передаваемые Италии крепости.

На территории бывшего Германского союза боевые действия в июле разворачивались в основном в бассейне реки Майн, поэтому получили название Майнской кампании. В ходе последней произошло несколько достаточно крупных боевых столкновений, окончившихся в общем и целом в пользу пруссаков. Два южногерманских корпуса армии Германского союза так и не смогли наладить эффективные совместные действия. Последний бой на этом театре военных действий состоялся 29 июля. К тому моменту война уже утратила смысл, и 1 августа боевые действия в Германии полностью прекратились.

Теперь пруссаки могли не стесняться, вознаграждая себя за большой риск и большой успех. К территории Пруссии были присоединены Шлезвиг и Гольштейн. По условиям Пражского мира в северной части Шлезвига, населенной по преимуществу датчанами, должен был быть проведен референдум. Однако на практике его проведение откладывалось вплоть до поражения Германской империи в Первой мировой войне. 1 октября 1866 года Пруссия аннексировала Ганновер, Нассау, Кургессен и вольный город Франкфурт-на-Майне.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Небольшие территориальные уступки вынуждены были сделать великое герцогство Гессен и Бавария. В начале 1867 года все германские государства к северу от реки Майн объединились в так называемый Северо-Германский союз — по сути конфедерацию с явной тенденцией к превращению в федеративное государство. В Северо-Германском союзе была своя конституция, свой парламент — рейхстаг, формируемый на основе всеобщего (для мужчин), прямого и равного избирательного права. Президентом конфедерации являлся прусский король, его первым и единственным полномочным министром — союзный канцлер (эту должность, естественно, занял Бисмарк). У Северо-Германского союза была единая внешняя политика и единая армия, построенная целиком и полностью по прусскому образцу. Конечно, во всех государствах — членах союза остались собственные правители и собственные парламенты, в их ведении по-прежнему находились многие вопросы внутренней политики, а их представители заседали в «союзном совете» — формально высшем органе конфедерации, игравшем роль верхней палаты парламента. Тем не менее, лидерство Пруссии и прусских элит в Северогерманском союзе было неоспоримо.

К югу от Майна осталось четыре независимых государства: Баден, Вюртемберг, Гессен и Бавария. Хотя и здесь были сильны немецкие националисты, значительная часть общества скептически

относилась к прусской гегемонии. Свою роль играли и конфессиональные различия между протестантским севером и католическим югом. Однако четыре монархии были крепко привязаны к Пруссии в экономическом плане — через Таможенный союз. Кроме того, после Немецкой войны они заключили с Берлином тайные военные союзы, а их армии начали перестраиваться на прусский лад. Создание единой Германии могло затянуться на долгие годы, но любой другой сценарий был маловероятен.

Как Франция, так и Россия не смогли извлечь из этих перемен никаких выгод. В Петербурге были особенно возмущены тем, как бесцеремонно пруссаки лишили тронов нескольких законных государей. В ответ со специальной миссией к Александру II был отправлен генерал Мантейфель, имевший при российском дворе прекрасную репутацию. В задачи генерала входило донести до российской элиты все ту же мысль: если прусское правительство не осуществит «революцию сверху», она все равно произойдет, но «снизу». Эти доводы были не особенно убедительны, но в Петербурге в сложившейся ситуации предпочли сделать хорошую мину при плохой игре, выбрав дружбу с Пруссией. Разумных альтернатив этому курсу все равно не было, учитывая далеко не блестящие отношения России с другими великими державами.

В Париже произошедшее было воспринято особенно болезненно. Во французском обществе

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

стал популярен лозунг «мести за Садову». Появление на восточной границе сильного Северо-Германского союза внушало тревогу. В начале августа 1866 года Наполеон III вновь потребовал от Пруссии компенсаций за свой благожелательный нейтралитет — в частности, речь шла о Саарской области. Ответ Бисмарка был прост: «Мы вооружены, вы — нет». Если французы хотят войну, они ее получают. В Париже были вынуждены отступить. Тем не менее Наполеон III все еще надеялся на сотрудничество с Пруссией, и Бисмарк не спешил развеивать эти иллюзии. Лишь весной 1867 года в ходе Люксембургского кризиса стало ясно, что интересы Парижа и Берлина расходятся кардинально. Обе стороны начали постепенно готовиться к возможному конфликту. Этот конфликт разразился совсем скоро, в 1870 году. Его итогом стало поражение и крушение Второй империи во Франции и окончательное объединение Германии.

Австрийская империя после проигранной войны вступила в полосу предсказуемого внутреннего кризиса. Венгрия вновь забурлила, и в 1867 году Габсбургам пришлось пойти на компромисс, фактически разделив свое государство пополам: на австрийскую и венгерскую части. Соответственно, и монархия Габсбургов стала называться Австро-Венгрией. У каждой половины была своя конституция, свое правительство и свой парламент. Общими у них оставались только монарх и три министерства: иностранных дел, военное и финансов. Их

главы вместе с главами австрийского и венгерского правительств составляли общий совет министров. Компромисс 1867 года несколько упростил внутреннюю ситуацию в монархии Габсбургов, хотя и не решил всех национальных проблем и не способствовал увеличению веса страны на международной арене.

Немецкая война повлияла на судьбу многих ее участников. Бенедек был сделан в Австрии козлом отпущения и обвинен в поражении. Он должен был предстать перед военным трибуналом, однако Франц Иосиф распорядился прекратить расследование, одновременно потребовав от Бенедека до конца жизни хранить молчание по поводу обстоятельств войны. Австрийский полководец ушел в отставку и до самой своей смерти в 1881 году повиновался приказу монарха, так и не представив общественности свою версию событий.

Мольтке, напротив, оказался в лучах славы. Если до войны его имя было практически неизвестно широкой общественности, то летом 1866 года он сделался одной из самых популярных личностей в Европе. Журналисты стремились взять у него интервью, писатели работали над его биографиями, офицеры разных армий пристально изучали его манеру ведения войны. В самой Пруссии его авторитет уже мало кем подвергался сомнению, как и необходимость существования Большого генерального штаба. Размер, влияние и объем полномочий этого органа постоянно росли. После

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Франко-германской войны Большой генеральный штаб окончательно превратился в «одно из современных чудес света», а его шеф стал легендарной личностью. Мольтке оставался на посту вплоть до 1888 года, пока был жив Вильгельм I. Многие другие командиры, отличившиеся при Кёниггреце, тоже сделали блестящую карьеру: и Франзеки, и Альвенслебен встретили войну 1870 года командирами корпусов.

Бисмарк в результате победы смог не просто реализовать свои планы; из самого ненавистного политика Германии он в одночасье стал самым популярным. Недавние противники толпами переходили на его сторону. Именно 1866 год сделал его в глазах современников крупнейшим политиком Европы — репутация, которая будет сохраняться вплоть до самой его отставки в 1890 году, а затем превратится в легенду.

Война, несмотря на свою скоротечность, позволила сделать важные кадровые выводы в прусской армии. Принцип «победителей не судят» здесь не действовал. Конечно, после войны в Берлине никого не судили — напротив, всех хвалили и награждали, однако некоторых уже не допускали ни до чего серьезного. В 1870 году, когда началась война против Франции, Фогель фон Фалькенштейн был назначен генерал-губернатором прибрежных районов Северогерманского союза, Герварт фон Биттенфельд — генерал-губернатором нескольких корпусных округов в тылу,

Бонин — генерал-губернатором оккупированной Лотарингии. Прокол вышел только со Штейнмецем. Его легкая неадекватность была очевидна уже в 1866 году, однако списать «Находского льва», одержавшего со своим корпусом две победы подряд, было практически нереально. В итоге в начале Франко-германской войны он успел наломать на должности командующего 1-й армией немало дров, прежде чем терпение вышестоящих инстанций лопнуло окончательно и его отправили так далеко в тыл, как это только было возможно.

Наконец, прусский король Вильгельм I сделал главный шаг к тому, чтобы примерить императорскую корону объединенной Германии. По большому счету эта корона была ему не нужна, его зоной комфорта был прусский королевский трон. Как в 1866, так и в 1870 году он раз за разом пытался перечеркнуть все усилия своих паладинов, избегая риска и энергичных решений. Однако чего было не отнять у Вильгельма I, так это умения выбирать себе помощников. Усилиями Бисмарка и Мольтке и он сам, и его государство достигли небывалых высот.

Вес Пруссии на международной арене в результате Немецкой войны 1866 года изменился кардинально. На протяжении 120 лет она была самой маленькой и слабой среди всех великих держав Европы. Эти времена остались позади. Лишившись противовеса в лице Австрии, установив фактическую гегемонию в Германии, монархия

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Гогенцоллернов превратилась в новый сильный центр европейской системы. Особенно очевидным это стало после создания в 1871 году Второго рейха. Равновесие, существовавшее в рамках Венской системы, оказалось нарушено. Это не привело к немедленному краху всей системы, однако дало импульс к формированию новых политических комбинаций и поиску нового баланса сил. В процессе этого поиска в Европе начала формироваться та самая блоковая система, которая в окончательном виде сложилась в начале XX века, в преддверии Первой мировой войны.

Делала ли прусская победа 1866 года и последовавшие за ней перемены неизбежными формирование двух блоков и обе мировые войны? На этот вопрос, разумеется, нет однозначного ответа. Однако проводить ровную прямую линию от Кёниггреца до Вердена и Сталинграда представляется не вполне оправданным. Ход событий определяется множеством факторов, и у любого пути, как правило, есть определенные альтернативы. Однако несомненно, что без Немецкой войны 1866 года не было бы ни объединения Германии, ни противостояния блоков в Европе, ни мировых войн в том виде, в котором мы их знаем. Победа прусской армии стала, таким образом, одним из ключевых событий XIX века, определивших дальнейший ход мировой истории.

Были ли у нее альтернативы? Историки часто с большой неохотой вступают на территорию, где

царствует сослагательное наклонение. Однако рассмотрение альтернатив часто помогает нам лучше понять логику событий и процессов прошлого, взаимодействие различных факторов и причинно-следственные связи.

Обращаясь к событиям 1866 года, нужно констатировать, что альтернатива действительно была. Речь идет не о победном вступлении австрийской армии в Берлин — такое развитие ситуации следует признать крайне маловероятным. Однако вариант, при котором кампания бы затянулась и нейтральные державы приняли бы полноценное участие в послевоенном урегулировании, был вполне возможен. Для этого было необходимо, чтобы Северная армия действовала более энергично и успешно — к примеру, обрушилась всеми силами на корпус 2-й армии, двигавшиеся по горным перевалам, и, отбросив их в Силезию, обратилась против наступавшей с запада группировки Фридриха Карла. При этом даже в случае австрийских побед огромные потери были неизбежны (это прекрасно показало сражение при Траутенау), а надолго вывести из игры армию кронпринца вряд ли получилось бы. Тем не менее шанс затянуть кампанию и тем самым выиграть время у Бенедекка был. В этом случае и послевоенное урегулирование могло выглядеть совершенно по-другому — Пруссия добилась бы куда более скромных результатов, а германский дуализм мог в той или иной форме сохраниться.

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Гораздо меньший простор для альтернативных сценариев дает нам сражение при Кёниггреце. Вопреки опасениям Вильгельма I, нанести пруссакам серьезное поражение Бенедек не мог. Даже если бы 2-я армия появилась на поле сражения позднее и Северная армия нанесла бы контрудар по дивизиям Фридриха Карла, это закончилось бы длительным кровопролитным боем в долине Бистрицы, где игольчатые винтовки в очередной раз сказали бы свое веское слово. Кроме того, чем дальше австрийские части выдвинулись бы на запад, тем больше был бы шанс 2-й и Эльбской армий отрезать им путь к отступлению.

Куда более разумной альтернативой выглядит сохранение крупных сил на правом австрийском фланге, которые могли бы выдержать атаку подходивших по частям дивизий 2-й армии и позволили бы продержаться до конца дня. И в этом случае отход Северной армии с поля сражения оказывался неизбежным, однако он мог быть осуществлен в полном порядке, с сохранением боеспособности и материальной части подразделений. В стратегическом плане это мало что меняло, однако могло способствовать некоторому затягиванию кампании и более сильной позиции австрийской стороны на мирных переговорах.

Как известно, этот вариант не был реализован. Как не был воплощен в жизнь и другой, противоположный ему, при котором «клещи» 2-й и Эльбской армий сошлись бы в австрийском тылу, и вся

Глава 5. Финал

Северная армия (или большая ее часть) была бы окружена и уничтожена. Впоследствии Шлиффен сожалел о том, что ничего подобного не произошло, сваливая вину за это на командующих армиями и корпусами, не понимавших гениального плана Мольтке. В реальности такая сокрушительная победа пруссаков тоже была маловероятной — по причинам, о которых уже говорилось выше.

Таким образом, мы легко можем представить себе альтернативные сценарии развития ситуации. И все же имелись весьма существенные причины того, что все произошло именно так, как оно было в действительности. О них мы в заключение и поговорим.

Вместо эпилога

Почему пруссаки победили?

«Поражение Пруссии было буквально пред-
решено. Не очень понятно, на что надеялись в Бер-
лине, столь безрассудно начав войну, в которой
у них практически не было шансов. Целый ряд
объективных факторов, очевидных для всякого
вдумчивого наблюдателя, делал именно такой ис-
ход наиболее вероятным. Неслучайно поражение
пруссиков предсказывали не только многие воен-
ные и дипломаты, но даже такой дилетант, как
Фридрих Энгельс.

Начнем с состояния самой прусской армии.
На протяжении предшествующего полувека она
не участвовала в серьезных военных кампаниях.
Соответственно, лишь у немногих прусских офи-
церов (в отличие от австрийских) имелся боевой
опыт. Мобилизация 1850 года наглядно проде-
монстрировала все недостатки прусской военной
машины. Хотя на протяжении следующих полу-
тора десятилетий в Берлине немало сделали для
их исправления, результат был все еще далек от
удовлетворительного.

Первой серьезной проблемой являлось то, что различные рода войск практически не умели взаимодействовать друг с другом. Полевая артиллерия, находившаяся в процессе перевооружения, имела весьма разномастную матчасть — старые системы были уже неэффективны, новые еще толком не освоены. Хуже того, она слишком поздно и слишком плохо поддерживала пехоту. Впоследствии прусские пехотинцы будут насмешливо называть собственную артиллерию обозом, который было бы лучше вовсе оставить дома, а не таскать за собой.

Еще хуже обстояли дела с кавалерией. Ее в прусской армии предполагали использовать в качестве ударного резерва в крупных сражениях — и практически не задействовали для ведения тактической разведки. В результате в течение всей кампании прусские командующие находились в полном и блаженном неведении относительно того, где противник и что он предпринимает, даже если австрийские войска были буквально в двух шагах. Передвижения прусских армий напоминали блуждание человека с завязанными глазами по темной комнате.

Впрочем, на театре военных действий блуждали не один, а несколько „человек” — прусских армий. И взаимодействие между ними было попросту отвлеченным. Взаимная поддержка, на которую рассчитывало прусское командование, становилась в этих условиях практически невозможной. Фатальным оказалось решение — впрочем, традиционное для прусской армии — назначить командующими

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

отдельными армиями принцев из династии Гогенцоллернов. Дело было не только в их сомнительных полководческих талантах. Принадлежность командующих армиями к правящей династии серьезно затрудняла верховному командованию централизованное управление войсками; принцы могли просто игнорировать приказы без серьезных последствий для себя.

Крайне неудачным выбором стала и та фигура, которая фактически была поставлена во главе всей прусской армии. Речь идет о шефе Большого генерального штаба генерале Мольтке. Кабинетный стратег, теоретик, никогда не командовавший подразделением крупнее роты, он практически не пользовался авторитетом в прусской армии. Это пренебрежительное отношение следует признать более чем заслуженным, учитывая тот план стратегического развертывания, который был составлен ученым стариком.

Словно насмехаясь над всеми базовыми принципами военного искусства, Мольтке не стал сосредотачивать прусские силы в один кулак, а разбросал их вдоль границы. Расчет строился на том, что армии начнут концентрическое наступление в Богемию и смогут поддерживать друг друга. Этот замысел прекрасно смотрелся на карте, но в реальности избыточно сложная, искусственная схема была обречена на провал — особенно с учетом тех недостатков прусской армии, о которых уже говорилось выше.

Подобных проблем было уже более чем достаточно для того, чтобы сделать успех пруссаков крайне маловероятным. Однако к ним добавлялся еще целый ряд существенных факторов. Война против Австрии была крайне непопулярна в прусском обществе, а значит, и среди резервистов, прибывших в свои части во время мобилизации. Ни о каком энтузиазме и высоком боевом духе в этих условиях речь идти не могла. Не улучшал настроения солдат и коллапс системы снабжения, наступивший уже вскоре после начала прусского наступления в Богемии. Недостатки, на которые в мирное время можно было не обращать внимание, сразу же ярко проявили себя. Пруссак двигались навстречу неизбежной катастрофе...»

Так — или примерно так — писали бы современные историки, если бы прусская армия в 1866 году потерпела поражение. Объяснить успех или неудачу задним числом бывает довольно просто: берем все недостатки одной армии, все достоинства другой — и вот уже победа предстает перед нами вполне логичной, неизбежной и абсолютно предсказуемой. Существует, впрочем, и другая крайность: списывать все на игру случайностей, которые делают финал, как в хорошем триллере, совершенно неожиданным.

Попробуем избежать как одной, так и другой ошибки. Причины прусской победы носили вполне объективный характер. И начнем мы, пожалуй, с той, которая больше всего обсуждалась

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

современниками — как военными, так и штатскими. Речь идет о прусском «чудо-оружии» — игольчатой винтовке.

Уже после первых прусских успехов во множестве появились те, кто считал именно «волшебное ружье» главной их причиной. Разумеется, у них тут же нашлись и оппоненты. К примеру, в Петербурге вышла анонимная брошюра под названием «Игольчатые ли ружья выиграли пруссакам кампанию?». Ответ, который давал автор, был отрицательным. Михаил Драгомиров, присутствовавший в качестве наблюдателя на театре военных действий, писал в своей вышедшей по горячим следам событий книге: не игольчатое ружье было причиной неудач австрийцев, «а те люди, у которых оно было в руках, и в особенности те, которые руководили прусской армией».

И все же совсем сбрасывать со счетов военно-технический фактор нет оснований. Винтовка системы Дрейзе дала прусской пехоте вполне ощутимое преимущество. При прочих равных австрийцы были обречены нести в каждом столкновениикратно большие потери, чем их противник. В результате даже их победы оказывались пирровыми. Это, в свою очередь, не могло не сказаться на настроении солдат; прусское «чудо-оружие» после первых боев приобрело большое психологическое значение для обеих сторон.

Тем не менее Драгомиров по-своему прав — игольчатая винтовка сама по себе не являлась

фактором, достаточным для победы. Важно было то, в чьих руках она находится. Несмотря на то что война не вызвала у прусских солдат всплеска энтузиазма, они выполняли свой воинский долг безукоризненно, а их дисциплина на протяжении всей кампании нареканий не вызвала. Иначе обстояли дела в многонациональной габсбургской армии: боевой дух находился не на высоте и потери австрийцев пленными вскоре стали превышать их же потери убитыми и ранеными. Уровень боевой подготовки солдат несколько отличался в пользу пруссаков, однако еще более серьезным было различие в качестве офицерского корпуса. Конечно, противопоставлять лубочной картинке безупречного и высокопрофессионального прусского офицера такую же лубочную картинку его ленивого и некомпетентного австрийского визави было бы в корне неправильно. Австрийские офицеры не раз проявляли в ходе кампании настоящий героизм. Однако прусские коллеги, не уступая им в мужестве, все же превосходили их в компетентности и способности к самостоятельному принятию правильных решений.

Еще одним важным козырем прусской армии был ее Большой генеральный штаб. Даже если относиться к распространенной легенде о непогрешимом и гениальном Мольтке с вполне оправданным скепсисом, нельзя не признать, что «мозг армии» записал в кампании 1866 году на свой счет несколько несомненных достижений. Одним из них была система развертывания армии

Битва, изменившая мир. Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

с максимальным использованием железных дорог, позволившая в короткие сроки сосредоточить силы на границе и сразу же перенести боевые действия на вражескую территорию. Вторым был общий план кампании — не лишенный риска, однако многообещающий в плане быстрой и убедительной победы над противником.

И здесь мы переходим к следующему пункту — качеству решений, принимавшихся командованием обеих сторон. Прусская армия в этом отношении вовсе не была безупречной; выше мы не раз наблюдали, как старшие офицеры допускали достаточно серьезные ошибки. Однако на войне ошибки неизбежны. Выигрывает не тот, кто не допускает ошибок, а тот, кто допускает их меньше и чьи ошибки лучше «амортизируются» подчиненными ему подразделениями. Сильной стороной прусской армии была как раз эта «способность к амортизации», когда упущения командиров нередко компенсировались благодаря инициативе их подчиненных, а подразделения сохраняли боеспособность, даже понеся значительные потери. В общем и целом прусские армии с самого начала кампании следовали единому плану, хотя и с существенными нюансами. Бенедек же постоянно колебался, упускал из своих рук инициативу, не проявляя должной энергии и впадая в пессимизм. Личность командующего, конечно, не стала определяющим фактором в этой войне; однако не придавать этому фактору вообще никакого веса тоже было бы ошибкой.

Вместо эпилога. Почему пруссаки победили?

В кампании 1866 года прусская армия проявила как свои сильные стороны, так и свои слабости. Она заложила фундамент той блестящей репутации лучшей армии мира, которой пользовалась вплоть до середины XX века. Однако на пути к этому пьедесталу ей предстояло пройти еще одно серьезное испытание: померяться силами с «действующим чемпионом». Такая возможность представилась ей совсем скоро — летом 1870 года.

СПИСОК КАРТ

Карта 1 (форзац) — Общий ход кампании в конце июня 1866 года.

Карта 2 (с. 87) — Общая схема сражения при Кёниггреце.

Карта 3 (с. 126) — Завершающая фаза кампании в Богемии.

Карта 4 (нахзац) — Сражение 3 июля 1866 года.

Источники:

Карты 1–3 — *Иссерсон Г.* Военное искусство эпохи национальных войн второй половины XIX века. М., 1933.

Карта 4 — *Regensberg F. Königgrätz.* Stuttgart, 1903.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	5
Глава 1. Германский дуализм	9
Глава 2. От любви до ненависти.	34
Глава 3. Завязка	50
Глава 4. Кульминация	85
Глава 5. Финал	124
Вместо эпилога. Почему пруссаки победили?	146
Список карт	154

Научное издание

Николай Анатольевич Власов
БИТВА, ИЗМЕНИВШАЯ МИР
Кёниггрец, 3 июля 1866 г.

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания ИП *Трофимов В. Ю.*

Подписано в печать 12.02.2020.
Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 8,4. Гарнитура «PT Sans».
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Отпечатано с готовых диапозитивов
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
8 (495) 988-63-76, т/ф. 8 (496) 726-54-10

В СЕРИИ PARVUS LIBELLUS

Вышли в свет:

Клейн Л. С. Илиада — эпос и история

Клейн Л. С. Троянская война: эпос и история

Дворниченко А. Ю. Rus Lietuvos: Великое княжество

Литовское от рассвета до заката

Шишкин В. В. Средневековая Франция (V–XVI вв.)

Банников А. В. Быть легионером

Банников А. В. Римская армия от Адрианополя до
«Стратегикона»

Власов Н. А. Отто Фон Бисмарк. Путь к вершинам власти

Ауров О. В. Испания в эпоху вестготов

Губарев О. Л. Рюрик Скъёльдунг

Дмитриев В. А. Военный флот Сасанидов

Рудольф фон Кеммерер. Клаузевиц

Леопольд фон Ранке. Фридрих Великий

Рихтер Г. М. Евгений Савойский

Хейк Эдуард. Медичи

Клейн Л. С. Шлиман в России и мире

Юрченко А. Г. Василиск античных врачей и магов

Шульц Ганс. Валленштейн и эпоха Тридцатилетней войны

Отто Хинце. Гогенцоллерны. Начало: От первых
Цоллернов до Тридцатилетней войны

Холмогоров Е. С. Игра в цивилизацию

Холмогоров Е. С. От Спарты до Византии. Очерки им-
перий железного века

Сергеев Е. Ю. Непокоренный остров: героическая
оборона Мальты во Второй мировой войне

Таньшина Н. П. Наполеон Бонапарт: между историей
и легендой

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. «Се яз раб Божий...»

Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры

Банников А. В. Армия Восточной Римской империи от Юстиниана I до «Стратегики»

Шауб И. Ю. Боги и герои античного Северного Причерноморья

Карл Кереньи. Исследования лабиринта

Отто Хинце. Гогенцоллерны. Рождение великой державы. От Тридцатилетней войны до Фридриха Великого

Губарев О. Л. Начальная Русь на пути «из варяг в греки»

Шауб И. Ю. Смерть и возрождение: загробный мир боспорян

Таньшина Н. П. Шарль-Андре Поццо ди Борго: корсиканская тень Наполеона

Серегина А. Ю. Лондон и Реформация. Жизнь английской столицы в эпоху Тюдоров (1485–1603)

Отто Хинце. Гогенцоллерны. Путь к германскому единству. 1786–1861

Банников А. В. Персидские войны Рима

В СЕРИИ PARVUS LIBELLUS

Готовятся к изданию:

Давыдов А. Ю. Военный коммунизм: народ и власть в революционной России. Конец 1917 г. — начало 1921 г.

Банников А. В. Как сражался Карфаген

Власов Н. А. Идеальная катастрофа. Седан, 1 сентября 1870 г.

Анри Лемонье. Итальянские войны (1492–1518)

Таньшина Н. П. Восстание в Вандее 1832 года, или
Авантюра герцогини Беррийской

Кожурин К. Я. Миросозерцание и культура русского старообрядчества XVII–XX вв.

Кожурин К. Я. Круг староверческой жизни: от купели до погоста

Кожурин К. Я. Краткая история старообрядчества

